
Виолетта Весна
Развод.
Вторую семью
я содержать
не буду

Виолетта Весна

Развод. Вторую семью я содержать не буду

«Автор»
2026

Весна В.

Развод. Вторую семью я содержать не буду / В. Весна — «Автор», 2026

Лестницу в доме любовницы мужа я узнала сразу. Сама выбирала дуб, переделывала чертежи, спорила с мастерами. Олег торопил: важный клиент ждать не будет.Важной клиенткой оказалась женщина, с которой он уже восемь лет жил на две семьи.У них — загородный дом, поездки к морю и семилетняя дочь. У меня — проданная ради нашего предприятия мамина дача и миллионы долгов, о которых муж предпочитал молчать.Теперь Олег предлагает тихо развестись и продать бизнес, который мы строили пятнадцать лет. Покупатель уже найден. Только вот банковский кредит обеспечен моим поручительством.Я не собираюсь оплачивать чужое счастье собственным будущим.Но Дмитрий Ракитин, которому наша компания должна шесть миллионов, не верит в мою неосведомленность. У него есть документ с моей настоящей подписью.Мы начинаем с взаимных обвинений. А потом я впервые за много лет жду встречи с мужчиной, которого совершенно не обязана любить.Пока не выясняется, что и он кое о чем промолчал.

© Весна В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Адрес в накладной 5
Глава 2. Ночью слышно лучше 26
Глава 3. Подлинная 47
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Виолетта Весна
Развод. Вторую семью я содержать не буду

Глава 1. Адрес в накладной

Дверца шкафа закрылась с таким мягким щелчком, что я сразу поняла: что-то не так.

Я открыла ее снова, провела пальцем по внутренней кромке и посмотрела на зазор между фасадами. Вверху он был ровным, а ближе к полу расширялся почти до пяти миллиметров. Для обычного человека пустяк. Для меня — причина задержать отправку готового изделия.

— Павел, подойди, пожалуйста.

Начальник столярного цеха появился из-за высокого стеллажа с заготовками. На плече у него белела древесная пыль, а в руке была кружка, которую он, вопреки моим многочисленным просьбам, снова принес в производственную зону.

— Что случилось, Лидия Андреевна?

Я указала на дверцу. Павел присел, посмотрел снизу, затем поднялся и несколько раз открыл и закрыл ее.

— Петлю отрегулируем.

— Почему она потребовала регулировки после окончательной сборки?

— Дерево немного повело.

— Это шпон на МДФ, Паша. Тут нечему так гулять. Основание проверь.

Он снова присел, теперь уже без прежней уверенности. Через минуту попросил штангенциркуль, снял два размера и помрачнел.

— Понял. Панель с отклонением пришла.

— Ее на входном контроле принимали?

— Принимали.

— Тогда выясни, кто и по каким размерам.

Павел выпрямился.

— До обеда исправим.

— Не нужно до обеда. Нужно правильно. У нас отгрузка в четверг, время пока есть.

— Если каждый миллиметр ловить, мы никогда этот заказ не закончим.

Я посмотрела на него.

— Ты же сам знаешь, чем заканчиваются такие миллиметры. Сначала дверца не закрывается. Потом заказчик снимает видео, выставляет его в интернет и объясняет всем желающим, что мы берем деньги за дорогую мебель, а собираем ее как гаражные умельцы.

— Ладно, не начинай. Сделаем.

Он забрал кружку со стеллажа и отправился разбираться.

Я осталась возле шкафа.

Дверцы были облицованы натуральным дубовым шпоном. Я подбирала рисунок так, чтобы волокна продолжались с одного фасада на другой. Заказчик хотел спокойный, почти незаметный рисунок, без контрастных сучков. На согласование ушло три недели, хотя в окончательном счете эта работа занимала всего одну строчку.

Мебель предназначалась для нового гостиничного комплекса под Конаково. Мы делали для него стойку регистрации, встроенные шкафы, панели в номерах и несколько больших столов для ресторана. Заказ был сложный, прибыльный и очень важный для предприятия.

Последние полгода почти вся наша жизнь подчинялась его срокам.

Я посмотрела на часы. Было без четверти восемь.

В цехе уже работали станки. Воздух пах свежераспиленной древесиной, лаком и крепким кофе, который кто-то из мастеров варил в комнате отдыха. Через открытые ворота тянуло прохладой. Сентябрь только начался, но по утрам в Твери уже чувствовалась осень.

Мне нравились эти первые часы, пока никто не звонил с претензиями, не требовал срочно подписать документы и не спрашивал, почему невозможно изготовить заказ за два дня.

Когда-то предприятие начиналось именно с таких утренних часов.

Пятнадцать лет назад у нас было арендованное помещение, три станка и четверо сотрудников, включая меня. Олег занимался клиентами и документами, я — проектами и производством. Тогда мы могли работать до полуночи, есть привезенную пиццу прямо на упаковочных коробках и радоваться каждой оплаченной накладной.

Сейчас в ООО «Тис» трудились двадцать семь человек. У нас имелись собственные станки, отдельный покрасочный участок, склад и офис на втором этаже.

Иногда я скучала по тому времени, когда могла самостоятельно разобраться во всех делах предприятия.

Теперь каждое утро начиналось с длинного списка чужих вопросов.

— Лидия Андреевна!

Я обернулась.

В дверях стояла Раиса Петровна, наш главный бухгалтер. Невысокая, аккуратно причесанная женщина в темном кардигане. Она редко спускалась в цех, предпочитая вызывать меня к себе или присылать письма с подробными пояснениями. Поэтому ее появление среди станков само по себе выглядело необычно.

— Доброе утро, — сказала я. — Что-нибудь срочное?

— Нам нужно поговорить.

Она посмотрела на Павла, который ругался с кем-то возле сборочного стола, и понизила голос:

— Лучше у меня.

Я сняла защитные очки, положила их на верстак и пошла следом.

По дороге Раиса Петровна дважды пыталась что-то сказать, но оба раза передумывала. Я знала ее больше десяти лет и прекрасно различала подобное настроение.

Обычно оно означало, что предстоит неприятный разговор о деньгах.

На втором этаже было тихо. Секретарь еще не приехала, дверь кабинета Олега оставалась закрытой, а в небольшом коридоре пахло свежей краской. На прошлой неделе мы наконец покрасили стены после протечки, которая случилась еще весной.

Бухгалтер открыла свой кабинет, пропустила меня вперед и закрыла дверь.

— Присаживайтесь.

— Раиса Петровна, вы меня пугаете.

— Я сама испугалась.

Она достала из папки распечатку и положила ее передо мной.

Это был список ближайших платежей.

Зарплата. Аренда дополнительного склада. Электроэнергия. Поставщики. Платеж по банковской кредитной линии.

Я быстро просмотрела суммы.

— Что не так?

— Денег не хватает.

— Насколько?

— Если учитывать все обязательные платежи до конца следующей недели, почти на четыре миллиона.

Я подняла глаза.

— Вы уверены?

— К сожалению.

— В прошлый четверг нам поступил аванс от гостиницы. Три миллиона сто тысяч. И еще был платеж от ресторана в размере двух миллионов шестисот тысяч.

— Был.

— Тогда куда делись деньги?

Раиса Петровна поправила очки.

— Часть ушла поставщикам. Часть — по договорам комплектации.

— Каким договорам?

Она не ответила сразу.

Я перевернула лист, надеясь увидеть расшифровку, но на обороте ничего не было.

— Раиса Петровна, я же не спрашиваю вас о государственной тайне. Это наши деньги.

— Я понимаю.

— Покажите платежи.

Бухгалтер подвинула к себе компьютерную мышь.

— Их проводил Олег Викторович. Не все основания у меня сейчас под рукой. Я запросила документы.

Я нахмурилась.

— Как это не все?

— Некоторые платежи проходили по распоряжениям директора. Подтверждающие документы должны были передать позже.

— И передали?

— Не полностью.

Я снова посмотрела на распечатку.

Олег всегда занимался финансовой стороной предприятия. Он знал банковских управляющих, разбирался в кредитах, умел добиваться отсрочек и разговаривать с поставщиками. Я занималась тем, что понимала лучше: заказчиками, проектами, оборудованием, людьми.

Так мы распределили обязанности еще в самом начале, и долгое время это работало.

— Я поговорю с ним, — сказала я.

— Поговорите сегодня. У нас срок очередного платежа по кредиту в пятницу.

— Он знает?

Раиса Петровна посмотрела на меня с удивлением.

— Конечно. Я вчера ему напоминала.

Мне стало неприятно.

Вчера вечером мы с Олегом ужинали вместе. Он рассказывал о сложных переговорах, жаловался на повышение цен на материалы и спрашивал, не забыла ли я заказать новые фильтры для кухонной вытяжки.

О четырех миллионах недостающих денег не сказал ни слова.

— Хорошо. Дайте мне копию всего, что у вас есть.

— Я подготовлю.

Я уже поднялась, когда бухгалтер осторожно добавила:

— Лидия Андреевна, только не говорите Олегу Викторовичу, что я пришла жаловаться.

Я остановилась у двери.

— Вы не жаловаться пришли. Вы сообщили мне о финансовом положении предприятия.

— Я понимаю. Просто он последнее время очень нервничает.

— Из-за чего?

— Не знаю.

Она опустила глаза к клавиатуре.

Я вышла в коридор с неприятным ощущением, которое пока не могла объяснить.

Олег нервничал. Денег не хватало. Документы задерживались.

Все по отдельности выглядело как обычные рабочие неприятности. Мы не первый раз проходили через сложные месяцы.

Но Раиса Петровна никогда раньше не просила меня скрывать наши разговоры.

Я спустилась в цех.

Павел уже снял проблемную дверцу и проверял крепление. Возле него стоял молодой сборщик Саша, виновато разглядывая деталь.

— Панель действительно не в размере, — сообщил Павел. — Отложили. Сейчас новую поставим.

— Хорошо.

— Что-то случилось?

Я посмотрела на недоделанный шкаф.

— Пока не знаю.

Павел не стал расспрашивать. За годы работы он научился понимать, когда я готова обсуждать проблему, а когда нет.

Я прошла к своему столу, открыла производственный план и попыталась сосредоточиться на ближайших отгрузках.

Получалось плохо.

Олег ответил только с третьего звонка.

— Лида, я на встрече. Что такое?

На заднем плане слышались голоса и музыка. Кажется, он находился в кафе.

— Нам нужно поговорить о финансах.

— Опять?

Меня задело это слово.

— Раиса Петровна показала мне платежный календарь. У нас серьезный разрыв.

— Я знаю.

— Тогда почему ты молчал?

— Потому что собирался его закрыть. Лид, у меня сейчас люди за столом. Давай позже.

— Откуда возьмутся четыре миллиона?

Олег помолчал.

— Во-первых, не четыре. Во-вторых, у нас есть ожидаемые поступления.

— Какие именно?

— Я тебе все вечером объясню.

— Сегодня днем приезжает Ракитин.

— И что?

— Он уже дважды звонил мне по поводу задолженности.

— Скажи, что мы готовим график. Я с ним разговаривал.

— Ты обещал ему оплату?

— Лида, пожалуйста. Я не могу обсуждать это сейчас.

Я услышала, как кто-то обратился к нему по имени.

Олег прикрыл телефон ладонью, что-то ответил, затем снова заговорил со мной.

— Не переживай. Я этим занимаюсь.

— Я и не переживала, пока не увидела цифры.

— Ты прекрасно знаешь, что в бизнесе бывают кассовые разрывы.

— Знаю. Именно поэтому и спрашиваю, откуда возьмутся деньги.

Он вздохнул.

— Давай без допроса. Вечером все обсудим.

Связь оборвалась.

Я некоторое время смотрела на погасший экран.

У Олега была неприятная привычка заканчивать разговор именно тогда, когда ему не нравились вопросы. Раньше я объясняла это загруженностью. Он действительно много общался с клиентами, банками и подрядчиками, постоянно куда-то ездил.

Впрочем, последние полтора года мы почти перестали разговаривать о чем-либо, кроме работы. Вечером он возвращался поздно, ужинал, листал новости и нередко засыпал прямо на диване. По выходным уезжал на встречи или говорил, что нужно проверить объекты.

Я тоже работала много.

Мы привыкли считать, что это временно.

Когда завершится гостиничный заказ. Когда погасим кредит. Когда подпишем договор с новой сетью ресторанов.

В нашей жизни всегда находилось какое-нибудь «когда».

Недавно Олег предложил отложить замену окон в квартире до весны. Я согласилась. Старые рамы еще вполне держали тепло, а деньги требовались на предприятии.

Два года назад, когда понадобились средства на оборотные расходы, я продала мамину дачу.

Мне до сих пор иногда снился небольшой деревянный домик с зеленой верандой. Мама выращивала там пионы, а я в детстве не понимала, зачем она возится с цветами, которые отцветают за несколько дней.

После ее смерти дача почти не использовалась. Олег тогда сказал, что бессмысленно держать деньги в пустующем участке, когда предприятие нуждается в поддержке.

Я согласилась.

Мы оформили заем компании на два миллиона четыреста тысяч.

Олег обещал вернуть деньги, как только дела наладятся.

В тот момент мне казалось, что я поступаю правильно.

Сейчас я не жалела о продаже дачи. Предприятие действительно нуждалось в средствах, и я сама приняла решение.

Но впервые за долгое время мне захотелось точно знать, на что ушел каждый рубль.

— Лидия Андреевна!

Я обернулась.

Павел стоял в дверях кабинета.

— Ракитин приехал.

Я посмотрела на часы. Половина двенадцатого.

— Рано.

— Сказал, что договорились на одиннадцать.

— С кем договорились?

— С Олегом Викторовичем.

Я убрала телефон.

— Проводи его в переговорную. Сейчас приду.

Дмитрия Ракитина я до этого видела дважды.

Первый раз — на отраслевой выставке в Москве, где он представлял новые металлические системы для мебели. Тогда мы обменялись визитками, обсудили несколько технических решений и почти сразу разошлись.

Второй раз он приезжал к нам на производство, когда мы начинали сотрудничать по крупному гостиничному проекту.

Олег вел с ним переговоры. Я отвечала за конструктивные решения и согласование образцов.

Ракитин запомнился мне не столько внешностью, сколько манерой разговаривать. Он внимательно слушал собеседника, задавал короткие, иногда неудобные вопросы и никогда не говорил, что все будет замечательно, пока не видел расчетов.

Сейчас он стоял возле окна переговорной и рассматривал образец настенной панели, который мы повесили рядом с дверью.

Высокий, крепкий мужчина в темных брюках и светлой рубашке с закатанными рукавами. Темные волосы на висках уже заметно поседели. На левой руке виднелся старый тонкий шрам, уходивший от основания большого пальца к запястью.

Когда я вошла, он повернулся.

— Доброе утро, Лидия Андреевна.

— Доброе. Простите, что заставила вас ждать. Мне передали другое время встречи.

— Ничего страшного. Я и сам недавно приехал.

Он указал на образец:

— Хорошая работа. Это дуб?

— Шпон дуба на фанере. Основа стабилизированная, чтобы панель не повело при изменении влажности.

— Вижу.

Я предложила ему сесть.

На столе уже стояли вода и стаканы. Наш секретарь Вера, видимо, успела вернуться с утреннего поручения.

— Олег Викторович будет? — спросил Дмитрий.

— Он на встрече. Пока поговорим без него.

Ракитин положил перед собой тонкую папку.

— Тогда перейдем к делу.

Я открыла блокнот.

— Слушаю.

— На сегодняшний день ваша компания должна нам шесть миллионов четыреста тысяч рублей. Сюда входят поставленные конструкции, принятые вами работы и счета, сроки оплаты по которым истекли.

— Я знаю общую сумму.

— Отлично. Значит, не придется начинать с самого начала.

Он говорил спокойно, но мне уже не нравилось, каким тоном произнес последнее предложение.

— Олег сообщил, что вы договорились об отсрочке.

— Мы обсуждали возможность отсрочки. При условии, что ваше предприятие перечислит первый платеж в августе.

— И?

— Платежа не было.

Я посмотрела на него.

— Совсем?

— Совсем.

Мне стало жарко.

Олег говорил, что оплатил часть задолженности еще в середине августа.

Я хорошо помнила этот разговор. Мы сидели дома на кухне, он нарезал помидоры для салата и рассказывал, как сложно работать с Ракитиным. По его словам, Дмитрий не хотел учитывать обычные производственные задержки, хотя прекрасно понимал особенности крупных заказов.

Я тогда сказала, что поставщики тоже отвечают перед своими работниками, поэтому злиться на требования оплаты бессмысленно.

Олег рассмеялся и заметил, что я всегда готова защищать всех, кроме собственного мужа.

Теперь выяснялось, что деньги вообще не перечислялись.

— Мне придется проверить информацию, — сказала я.

Дмитрий сложил руки на столе.

— Проверяйте. У вас есть наши акты, счета и переписка с вашей бухгалтерией.

— Почему вы раньше не обратились ко мне?

— Я обращался к генеральному директору вашей компании.

— Это мой муж.

— Я в курсе.

Я почувствовала раздражение.

— Тогда вы должны понимать, что у нас распределены обязанности. Я отвечаю за производство.

— А за обязательства общества кто отвечает?

— Общество, — ответила я. — Не нужно разговаривать со мной так, будто я решила вам не платить из личной прихоти.

Ракитин немного откинулся на спинку стула.

— Я не говорил, что вы так решили.

— Но подразумевали.

— Я приехал выяснить, когда получу деньги. У меня предприятие, Лидия Андреевна. Там тоже работают люди. Им нужно платить зарплату, закупать металл, рассчитываться за электричество. Я не могу объяснить своим сотрудникам, что у нашего заказчика временные семейные сложности.

Мне захотелось возразить, что никаких семейных сложностей он не знает и знать не может, но это выглядело бы нелепо.

Дмитрий говорил о вполне конкретных вещах.

— Вы правы, — произнесла я после паузы. — Я не прошу вас забыть о долге. Но сейчас не могу назвать дату оплаты, не сверив расчеты.

— Тогда мне нужен письменный график к понедельнику.

— У вас будут документы.

— И еще. Мы не можем продолжать новые поставки на прежних условиях. Я предупредил Олега Викторовича об этом две недели назад.

Я посмотрела на производственный план, лежавший рядом с блокнотом.

— У нас для гостиницы не закончена комплектация четырех номеров. Ваши конструкции входят в следующий этап.

— Это я знаю.

— Если вы остановите отгрузку, пострадают сроки всего заказа.

— Поэтому я и приехал лично. Хотел услышать, как вы собираетесь решать вопрос.

Мне не понравилось, насколько разумными оказались его слова.

Гораздо удобнее было бы, если бы он вел себя грубо, угрожал судом и требовал денег немедленно. Тогда я могла бы возмутиться, вспомнить все наши сложные проекты и выставить его за дверь.

Но он не давал такого повода.

— Покажите, какие позиции вы готовы отгрузить после подписания графика, — попросила я.

Дмитрий открыл папку и достал перечень.

Мы почти двадцать минут обсуждали поставки.

Он действительно хорошо знал свою продукцию. Не путался в обозначениях, помнил особенности крепежа и сразу заметил, что для двух номеров требуется нестандартная обработка кромки, которую мы не внесли в последнюю спецификацию.

Я сделала пометку.

— Хорошо, что вы обратили внимание.

— Лучше сейчас, чем на монтаже.

На какое-то время разговор перестал быть неприятным.

Мы обсуждали нормальную работу, а не долги.

Я показала ему чертеж стойки регистрации. Он предложил незначительно изменить способ соединения металлических деталей, чтобы монтажники могли установить конструкцию без разборки деревянной облицовки.

Я посмотрела на рисунок.

— Так будет удобнее.

— Именно.

— Только крепления нужно закрыть декоративной панелью.

— Это уже ваша специальность.

Я усмехнулась.

— Боюсь, вам все-таки придется сделать еще один чертеж.

— Если вы перестанете присылать изменения вечером перед отгрузкой, договоримся.

Он произнес это без улыбки, но я заметила веселые морщинки возле его глаз.

Неожиданно мне стало легче.

Разговор закончился тем, что мы согласовали необходимые действия на ближайшие дни. Никаких отсрочек на честном слове Дмитрий не обещал. Я тоже не стала уверять его, что деньги непременно появятся к пятнице.

Мы поднялись из-за стола.

— Лидия Андреевна, — сказал он у двери, — я понимаю, что вы сейчас занимаетесь производством. Но советую лично посмотреть финансовые документы.

Я остановилась.

— Считаете, я не делаю этого?

— Не знаю. Я разговаривал с вашим мужем последние три месяца. По его словам, все платежи постоянно находились в процессе согласования. Возможно, вы получаете несколько другую информацию.

Меня задело не столько предположение, сколько его спокойная уверенность.

— Я разберусь, Дмитрий Михайлович.

— Надеюсь.

Он протянул руку.

Ладонь была теплой, сухой, с грубой кожей у основания пальцев. Не такой, какую я ожидала у человека, который руководил компанией с несколькими производственными площадками.

— До понедельника, — сказал он.

— До понедельника.

Я проводила его до лестницы. У самой двери он задержался возле новой стойки администратора, которую рабочие временно поставили в холле.

— Это для гостиницы?

— Да. Пока только пробная сборка.

Он провел взглядом по соединению дерева и металла.

— Интересное решение.

— Мое.

— Я понял.

— Почему?

— Потому что вы спорили со мной из-за этих углов почти три недели.

Я невольно рассмеялась.

Дмитрий тоже улыбнулся, на этот раз открыто.

Потом попрощался и вышел.

Я смотрела через стеклянную дверь, как он идет к машине. Высокая фигура, размеренный шаг, привычка держать ключи в руке, а не искать их возле автомобиля.

Уже через минуту я поймала себя на том, что все еще стою у входа.

Разозлившись на собственную рассеянность, вернулась в кабинет.

Мне было совершенно не до мужчин с красивой осанкой и неприятными вопросами — у меня хватало собственных проблем.

В половине второго позвонил Кирилл.

Я сидела за столом с остывшим супом, который Вера принесла из соседнего кафе. Рядом лежали два производственных отчета и перечень материалов, требовавших срочной закупки.

— Мам, ты занята?

— Смотря насколько важный вопрос.

— Очень важный. У меня кастрюля умерла.

— Как это?

— Ну, она была старая, я поставил гречку, а потом отвлекся.

Я закрыла глаза.

— Кирилл.

— Мам, я все потушил. Ничего не загорелось. Просто кастрюля теперь выглядит как предмет археологических раскопок.

— Ты хотя бы квартиру проветрил?

— Проветрил. Сосед сказал, что запах напоминает сгоревшие надежды.

Я рассмеялась.

Кирилл всегда умел рассмешить меня в самый неподходящий момент.

Ему исполнился двадцать один год. Он учился в Казани, снимал небольшую квартиру с приятелем и вполне успешно справлялся с самостоятельной жизнью, если не считать периодических происшествий с бытовой техникой.

— Купи нормальную кастрюлю, — сказала я.

— Вот именно поэтому звоню. Хотел узнать, какую брать.

— С толстым дном и хорошей крышкой. Не самую дешевую. И не нужно варить гречку час.

— Я ее не варил час.

— Сколько?

— Не помню.

— Прекрасно.

Кирилл замолчал, а потом спросил:

— Как вы там?

— Работаем. Готовим большой заказ.

— Папа говорил, что у вас сложный месяц.

Я посмотрела на бумаги.

— Бывает.

— Вы только не ругайтесь из-за денег. Он что-то нервный последнее время.

Меня неприятно кольнуло.

— Мы не ругаемся, Кирюш.

— Ну и хорошо. Я на выходных хотел приехать, но у нас лабораторную перенесли. Наверное, через две недели.

— Приезжай, когда получится. Я соскучилась.

— Я тоже. Мам, ты нормально ешь?

Я посмотрела на суп.

— Конечно.

— А то ты вечно на работе сидишь и кофе пьешь.

— Кто бы говорил. У тебя кастрюля сгорела.

— Это техническая авария. Не нужно связывать ее с моим режимом питания.

Мы еще немного поговорили об учебе, о его друзьях и о том, что осенью в Казани неожиданно дорогие продукты.

После звонка я отправила ему немного денег на новую посуду.

Не потому, что Кирилл просил. Просто знала, что он вряд ли купит приличную кастрюлю, если оставить вопрос на его усмотрение.

Потом вернулась к рабочим бумагам.

Звонок сына немного успокоил меня.

Что бы ни происходило с предприятием, у нас оставалась семья. Олег и я, Кирилл, наша квартира, привычные воскресные обеды, разговоры обо всем на свете.

Мы многое пережили вместе.

Бывало, что месяцами жили почти без выходных. Олег возвращался домой после полуночи, я засыпала над чертежами. Но всегда считала, что мы движемся в одну сторону.

В конце концов, деньги приходят и уходят.

Важно, чтобы было ради кого работать.

В тот день я еще не знала, насколько жестоко мне придется пересмотреть эту простую мысль.

После обеда я спустилась на склад.

Там было гораздо прохладнее, чем в цехе. На высоких стеллажах лежали упакованные фасады, комплектующие и листы фанеры. Погрузчик с негромким писком сдавал назад возле ворот.

Заведующий складом Михаил показывал мне новую партию фурнитуры.

— Эти направляющие не из той серии, — объяснял он. — В накладной все правильно, а привезли другое. Я акт составил.

Я открыла коробку.

— Возвращайте.

— Нам в пятницу собирать тумбы.

— Тогда пусть поставщик привозит нужные завтра.

— Я ему говорил. Он отвечает, что склад в Москве.

— У него договор с нами, а не с Москвой. Пусть решает.

Михаил кивнул, но продолжал стоять рядом.

— Еще вопрос, Лидия Андреевна.

— Слушаю.

— Вчера водитель спрашивал по поводу старых отгрузок. Там у нас несколько документов без нормальных подписей получателей.

— Какие именно?

— Частные объекты. Комплектация. Список наверху есть.

Я удивилась.

— Почему мне раньше не говорили?

— Олег Викторович сказал, что все закроют через офис.

— А водителю зачем понадобилось?

— Ему журнал сдавать. Рейсы есть, а документы не все подписаны. Он не хочет потом объяснять, куда отвозил товар.

Я протянула руку.

— Покажи.

Михаил принес небольшую папку.

В ней лежали копии маршрутных листов, несколько товарных накладных и распечатанные адреса доставок.

Я просмотрела верхние страницы.

Большинство отгрузок относились к знакомым проектам. Ресторан в Торжке. Частная гостиница возле Старицы. Несколько квартир, где мы делали встроенные шкафы.

Но среди документов обнаружились и номера заказов, которых я не помнила.

— Это что за комплектация? — спросила я, указав на одну из строк.

Михаил наклонился.

— Похоже, прошлогодняя. Я тогда не занимался отгрузками, Сергей еще работал. Нужно в архиве посмотреть.

— Хорошо. Отложи.

— Мне оригиналы собрать?

— Пока сделай копии. Я сама разберусь.

Он взял папку.

Я задержалась возле стеллажа с готовыми столешницами.

Мы выполняли немало заказов, которые не проходили непосредственно через меня. Иногда Олег договаривался с клиентами об отдельных предметах мебели, закупал готовые конструкции у партнеров или организовывал комплектацию объектов.

Это было удобно.

Но последние месяцы я все чаще замечала, что мне трудно вспомнить назначение некоторых расходов.

Раньше я объясняла это объемом работы.

Теперь, после разговора с Раисой Петровной, подобное перестало казаться безобидным.

Я вернулась на второй этаж.

Олег все еще не приехал.

На мое сообщение с просьбой перезвонить он не ответил.

Вера подняла голову, когда я проходила мимо ее стола.

— Лидия Андреевна, вам из гостиницы звонили. По поводу цвета панелей.

— Я уже разговаривала с ними вчера.

— Теперь они хотят посмотреть дополнительный образец.

Я остановилась.

— Они же согласовали цвет.

— Сказали, что в одном из номеров освещение другое.

Я медленно выдохнула.

— Передай, что можем подготовить образец. Но любые изменения утвержденной спецификации потребуют пересмотра сроков.

Вера что-то записала.

— Хорошо.

— И попроси Михаила передать мне копии старых отгрузок, которые он показывал.

— Сделаю.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— У вас все нормально?

Я подумала о недостающих деньгах, просроченном долге и о том, что муж не отвечает на звонки.

— Пока не знаю, — сказала я.

Вера ничего не спросила.

Я поднялась к себе.

Мой кабинет находился в конце коридора. Небольшая комната с двумя окнами, большим чертежным столом и книжными полками, которые Олег когда-то сделал мне собственными руками.

Это была одна из первых вещей, которые мы изготовили после открытия мастерской.

Полки получились немного неровными. Олег тогда впервые самостоятельно работал на фрезерном станке и испортил две заготовки, прежде чем сумел правильно сделать соединение.

Я не разрешила их переделывать: мне нравилось, что они были настоящими, со всеми следами нашей неопытности.

Сейчас на них стояли образцы материалов, книги по дизайну и несколько фотографий.

На одной мы с Олегом сидели перед первым арендованным помещением. Он обнимал меня за плечи, а я держала маленького Кирилла, который пытался стащить с моей головы солнечные очки.

Мы выглядели счастливыми.

Не богатыми. Не особенно успешными.

Просто счастливыми.

Я долго смотрела на фотографию.

Потом отвернулась и включила компьютер.

Работа не могла ждать, пока я разберусь с собственным настроением.

Олег появился около пяти.

Я услышала его голос в коридоре раньше, чем увидела.

Он разговаривал по телефону, громко смеялся и обещал кому-то прислать окончательные условия сотрудничества.

Через минуту заглянул ко мне.

— Лидочка, привет.

Он подошел, поцеловал меня в висок и поставил на стол бумажный стаканчик с кофе.

— Взял тебе капучино.

Я посмотрела на стакан.

— Спасибо. Нам нужно поговорить.

— Конечно. Только дай мне пять минут.

— Я уже весь день жду.

Олег чуть поморщился.

— Лид, не начинай. Я с утра на ногах.

Ему было сорок девять, но выглядел он моложе. Высокий, подтянутый, аккуратно подстриженный. Он всегда тщательно следил за собой, любил хорошие рубашки и дорогую обувь. Даже в самые сложные годы находил возможность купить приличные часы или обновить машину.

Я редко возражала.

В конце концов, он действительно много работал.

— Ракитин сегодня приезжал, — сказала я.

— Знаю. Он мне звонил.

— И что ты ему ответил?

Олег сел напротив.

— Что мы решаем вопрос.

— Ты сказал мне, что оплатил часть долга в августе.

Он отвел взгляд.

— Мы планировали оплату.

— Это не одно и то же.

— Платеж перенесли из-за более срочных обязательств.

— Каких?

— Лида, у нас десятки договоров. Я не могу помнить каждый счет.

— Тогда открой программу. Посмотрим вместе.

Олег потер ладонью лицо.

— Ты сегодня прямо как следователь.

— Потому что я не понимаю, куда делись деньги. И мне это не нравится.

Он немного помолчал.

— Слушай, давай спокойно. У предприятия сейчас переходный период. Несколько крупных заказчиков задерживают окончательные расчеты, поставщики поднимают цены. Мы вкладываемся в новые проекты. Это обычные трудности роста.

— Олег, у нас не стартап. Мы пятнадцать лет работаем. И если поставщик говорит, что три месяца не получает деньги, это не просто трудности роста.

— Ну вот опять.

— Что опять?

— Ты всегда начинаешь с того, что я что-то сделал неправильно.

Я недоверчиво посмотрела на него.

— Я задаю вопросы о деньгах.

— И задаешь их таким тоном, будто я ворую у собственной семьи.

Слова прозвучали неприятно.

Я даже не сразу нашлась что ответить.

Олег заметил мою растерянность и смягчился.

— Лид, прости. Просто день тяжелый. Я сам все понимаю. У меня несколько вариантов закрыть кассовый разрыв. Один клиент готов внести аванс по новому договору. Еще обсуждаем кредитование под оборудование.

— Еще один кредит?

— Не обязательно. Пока смотрим условия.

— У нас уже есть кредитная линия.

— Именно поэтому я и пытаюсь найти более удобную схему.

Он говорил уверенно. Так, как умел говорить с банками и покупателями. Спокойно, убедительно, без лишних подробностей, но с ощущением, что вся ситуация у него под контролем.

Раньше после таких разговоров мне становилось легче.

На этот раз нет.

— Я хочу посмотреть все платежи за последние полгода, — сказала я.

Олег замолчал.

— Зачем?

— Потому что я совладелец предприятия. И потому что собираюсь сама понимать, как мы будем выходить из этой ситуации.

Он откинулся в кресле.

— Хорошо. Раиса подготовит отчеты.

— Я уже попросила.

На его лице мелькнуло раздражение.

— Могла сначала поговорить со мной.

— Я пыталась.

Он посмотрел на часы.

— Ладно. Давай вечером дома спокойно все обсудим. Я сейчас должен ехать во Ржев. Встреча с потенциальным заказчиком.

— Ты не говорил.

— Сам только сегодня договорился.

— Во сколько вернешься?

— Поздно. Наверное, после десяти.

Я кивнула.

Олег поднялся и взял со стола телефон.

— И, Лид, не накручивай себя. Мы с тобой не первый год работаем. Все бывало.

Он подошел, положил ладонь мне на плечо.

— Справимся.

Я накрыла его руку своей.

Кожа была теплой, знакомой. На безымянном пальце блестело обручальное кольцо, которое я подарила ему на двадцатую годовщину свадьбы взамен старого, ставшего тесным.

Несколько секунд я смотрела на кольцо, вспоминая тот вечер.

Мы тогда ужинали в маленьком ресторане. Кирилл уже уехал учиться, и впервые за много лет мы остались вдвоем в собственный праздник.

Олег сказал, что я самое хорошее, что случилось в его жизни.

Я поверила.

Наверное, он и сам тогда верил.

— Хорошо, — сказала я. — Но отчеты я все равно посмотрю.

— Посмотришь.

Он поцеловал меня в волосы и вышел.

Я осталась сидеть в кресле.

Капучино давно остыл. Отчего-то мне совсем не хотелось его пить.

К семи часам цех постепенно опустел.

Я задержалась, чтобы проверить исправленную дверцу и согласовать несколько изменений по гостиничному заказу. Павел, как и обещал, все переделал. Теперь зазоры были ровными, фасады закрывались правильно.

Мы вместе осмотрели шкаф.

— Ну что? — спросил он.

— Теперь можно отправлять.

— Слава богу.

— Не преувеличивай.

— Лидия Андреевна, я с вами пятнадцать лет работаю. И каждый раз, когда вы говорите, что все нормально, у меня ощущение праздника.

Я засмеялась.

— Тогда иди домой. Заслужил.

— А вы?

— Еще немного посижу.

Он посмотрел на меня, но спорить не стал.

Через десять минут в цехе погасили часть света. Работали только дежурные лампы у склада и несколько светильников возле прохода.

Я поднялась в кабинет за сумкой.

На столе лежала папка.

Вера оставила копии документов, которые обещал принести Михаил.

Я собиралась забрать их домой, но потом решила хотя бы бегло посмотреть.

В папке оказалось около двадцати листов.

Маршрутные листы, акты передачи, накладные.

Большая часть относилась к прошлому году.

Я просматривала их довольно быстро, пока не увидела знакомый номер проекта.

К-17.

Я хорошо помнила это обозначение.

Под таким номером проходила комплектация одного из коммерческих объектов, которую Олег вел самостоятельно. Кажется, речь шла о небольшом гостиничном проекте. Я тогда занималась крупным заказом и почти не участвовала в расчетах.

Но несколько изделий мы делали непосредственно в нашем цехе.

Особенно хорошо мне запомнился чертеж лестницы.

Заказчик хотел деревянные ступени из светлого дуба и ограждение с тонкими вертикальными элементами. Первоначальный вариант выглядел тяжеловесно. Я предложила изменить пропорции, сделать поручень более плавным и немного развернуть первую секцию.

Потом пришлось несколько раз пересчитывать размеры.

Олег торопил меня. Говорил, что клиент нервничает и каждый дополнительный день стоит ему денег.

В итоге я подготовила хороший проект.

Один из тех, которыми оставалась довольна даже спустя время.

Я перевернула накладную.

В строке «Наименование» были указаны деревянные ступени, поручень и облицовочные элементы лестничного марша.

Ниже стоял адрес доставки.

Тверь, улица Заозерная, дом 14.

Я нахмурилась.

Название объекта в документах выглядело привычно: «Комплектация К-17». Но адрес не совпадал ни с одной гостиницей, с которой мы работали.

Я открыла на компьютере папку с проектом.

Нашла чертеж лестницы, затем спецификацию.

Внутри не было фотографий готового объекта, только визуализации.

Я увеличила одну из них.

Светлый дуб, белые стены, большие окна. Лестница уходила на второй этаж широким поворотом, а первая ступень была чуть длиннее остальных. Это мое решение. Я предложила его, потому что так конструкция выглядела легче в довольно узком помещении.

На визуализации за лестницей находилась высокая стеклянная дверь.

Очень похоже на частный дом.

Я поискала переписку с Олегом.

«Лид, лестницу нужно закончить до конца недели. Клиент торопит».

«Отправь новые размеры на производство».

«Да, цвет согласовали. Без изменений».

Ни имени клиента, ни названия гостиницы.

Странно.

Я взяла телефон и набрала Олега. Он не ответил. Подождала несколько минут, позвонила еще раз — снова ничего.

Я отправила сообщение:

«Нашла старую накладную по К-17. Что за объект на Заозерной? Это гостиница или частный заказ?»

Сообщение доставилось.

Я продолжила смотреть документы.

В журнале отгрузок возле проекта К-17 стояло несколько дат. Сначала перевозили деревянные элементы, затем декоративные панели, потом встроенные шкафы.

Я узнала один из артикулов.

Глубокий шкаф с внутренней подсветкой и выдвижными системами хранения.

Его я тоже проектировала.

Помню, сколько времени ушло на выбор фурнитуры. Клиент хотел, чтобы все открывалось плавно и бесшумно, но при этом требовал уменьшить стоимость.

Мы несколько раз меняли комплектацию.

Олег тогда сказал, что заказчик очень состоятельный, просто привык считать деньги.

Я даже пошутила, что именно состоятельные люди чаще всего торгуются за каждую ручку.

Теперь, рассматривая документы, я вдруг поняла, что совершенно не представляла, кто был тем заказчиком.

Обычно я хотя бы однажды встречалась с владельцами крупных объектов, обсуждала материалы, видела фотографии помещений.

Здесь ничего подобного не было.

Все общение шло через мужа.

Я снова открыла накладную и задержалась взглядом на адресе.

Тверь, улица Заозерная, дом 14.

Я знала этот район. Там недавно построили несколько дорогих домов, и некоторые владельцы заказывали у нас мебель.

Но никаких гостиниц поблизости, насколько мне было известно, не имелось.

Вполне возможно, заказ просто проходил через коммерческого посредника. Такое случалось нередко: договор подписывали с одной компанией, а поставку осуществляли по адресу ее клиента.

И все же мне захотелось посмотреть, что находится по этому адресу.

Я открыла карту.

Улица Заозерная оказалась в пригородной застройке, рядом с небольшим водоемом. Дом четырнадцать стоял ближе к концу улицы.

Фотографий здания на карте не было.

Я еще раз посмотрела на время.

Без четверти восемь.

До дома ехать около двадцати минут. До Заозерной — немного дольше.

Разумнее было бы дождаться утра, попросить у бухгалтерии договор, выяснить заказчика и только потом заниматься этой странной поставкой.

Я даже закрыла папку.

Но потом вспомнила, как Олег отреагировал на просьбу показать финансовые отчеты.

И как Раиса Петровна просила не говорить, что сама пришла ко мне.

Я положила накладную в сумку.

Никто не запрещал мне посмотреть адрес, указанный в документах собственного предприятия.

На улице уже темнело.

Утром я оставила машину возле бокового входа, под старой березой. Теперь на лобовом стекле лежало несколько желтых листьев, а крыша покрылась мелкой пылью.

Я села за руль, включила печку и немного посидела, не трогаясь с места.

После целого дня на ногах усталость чувствовалась особенно сильно.

Было бы неплохо поехать домой, принять душ, разогреть ужин и посмотреть что-нибудь бессмысленное по телевизору.

Олег все равно вернулся бы поздно.

Я могла лечь спать, не дожидаясь его.

Вместо этого я открыла навигатор и ввела адрес.

Первые десять минут дороги прошли почти незаметно.

Я думала о задолженности Ракитину, о пятничном платеже, о том, что завтра придется с самого утра разговаривать с бухгалтером.

Потом снова вспомнила лестницу.

В моей работе было немало проектов, о которых я впоследствии почти ничего не знала. Иногда заказчики присылали фотографии готовых интерьеров, иногда нет.

Но эта лестница почему-то запомнилась особенно хорошо.

В тот период я сильно устала. Мы завершали сразу несколько заказов, а на предприятии сломался станок, который невозможно было быстро заменить.

Олег приходил домой поздно и жаловался на постоянные расходы.

Я сидела с чертежами до глубокой ночи, переделывая поручень, потому что клиенту не нравилась форма поворота.

Однажды муж вошел на кухню, увидел разбросанные листы и сказал:

«Лидочка, ты у меня самая талантливая. Только ты можешь из обычной лестницы сделать произведение искусства».

Он тогда обнял меня сзади и поцеловал в шею.

Мне было приятно.

Я любила, когда он замечал мою работу.

В последние годы подобное случалось нечасто.

Навигатор предложил свернуть с основной дороги.

Я въехала в район частной застройки.

Здесь стояли большие дома за высокими заборами. У некоторых участков работала декоративная подсветка, вдоль тротуаров росли молодые туи. Асфальт был новый, без трещин, а на поворотах виднелись камеры наблюдения.

Я проехала мимо нескольких домов, свернула еще раз и замедлила скорость.

Номера шли по порядку.

Восемь.

Десять.

Двенадцать.

Я увидела четырнадцатый дом и инстинктивно нажала на тормоз.

На широкой площадке перед воротами стоял темно-синий автомобиль.

Volvo Олега.

Я узнала его сразу.

Муж купил эту машину три года назад. Тогда он говорил, что для встреч с серьезными клиентами необходим приличный автомобиль. Я возражала, поскольку у предприятия были другие расходы, но потом согласилась.

У машины имелась небольшая царапина на заднем крыле. Олег задел металлический столбик возле нашего склада и несколько месяцев собирался отвезти автомобиль в сервис.

Эта царапина сейчас была отчетливо видна в свете уличного фонаря.

Я сидела, не двигаясь.

Может быть, он приехал к клиенту.

Может быть, это и есть тот самый важный заказчик.

В конце концов, муж занимался договорами и часто встречался с людьми вне офиса.

Но почему тогда он сказал, что едет во Ржев?

Я посмотрела на часы.

Восемь двадцать семь.

В доме горел свет.

Двухэтажное здание с большими окнами, светлым фасадом и деревянными вставками выглядело дорого, но не вычурно. За невысоким металлическим ограждением виднелся ухо-

женный газон. Возле крыльца стояли два велосипеда: взрослый и маленький, розовый, с белыми лентами на руле.

Я медленно проехала дальше и остановилась у свободного участка, где дорога немного расширялась.

Отсюда хорошо просматривалась входная часть дома.

Выключив двигатель, я взяла телефон.

Олег не ответил и теперь.

Я набрала сообщение:

«Ты где?»

Отправила.

На экране появилась отметка о доставке.

Через несколько секунд телефон коротко завибрировал.

«На встрече. Позже наберу».

Я перечитала ответ.

Потом посмотрела на его автомобиль.

Мне стало не по себе.

Я не знала, что именно собираюсь делать. Выйти, позвонить в дверь, спросить, почему мой муж находится здесь, когда должен быть в другом городе?

Это выглядело глупо.

Мы работали вместе больше пятнадцати лет. У Олега могли быть причины не рассказывать мне о каждой встрече.

Но тогда почему я чувствовала себя так, словно случайно обнаружила что-то постыдное?

Я уже собиралась завести двигатель, когда входная дверь дома открылась.

На крыльцо вышла женщина.

Издалека я видела ее не очень отчетливо. Светлые волосы собраны в свободный хвост, длинный домашний кардиган, темные брюки. Она держала в руке телефон и что-то говорила человеку, оставшемуся внутри.

Следом появился Олег.

Я подалась вперед.

Ошибки быть не могло.

На нем была та самая синяя рубашка, в которой он утром ушел из дома, и светлые брюки. Он стоял у открытой двери, разговаривал с женщиной и выглядел совершенно расслабленным.

Таким я давно не видела его дома.

На работе Олег постоянно был занят. Дома — уставал, раздражался из-за мелочей, жаловался на звонки.

Здесь он улыбался.

Я смотрела на него и пыталась придумать объяснение.

Клиентка.

Знакомая.

Родственница заказчика.

Женщина что-то сказала. Олег рассмеялся.

Потом она подошла ближе и поправила ему воротник.

Движение было быстрым, привычным и слишком домашним.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

Из дома раздался детский голос.

Сначала я не разобрала слов.

Потом на крыльцо выбежала маленькая девочка в розовой пижаме. У нее были темные волосы, собранные в две неровные косички, и босые ноги.

Она торопилась, придерживая рукой что-то за спиной.

— Папа! — громко позвала она. — Пап, подожди!

Олег повернулся.

Девочка подбежала к нему, и он сразу подхватил ее на руки.

Не неловко, не как чужого ребенка, которого попросили подержать.

Он сделал это легко, привычным движением.

Девочка обвила его шею руками и что-то зашептала ему на ухо.

Олег слушал, улыбался, потом поцеловал ее в щеку.

Женщина стояла рядом.

Я не слышала всего разговора, но увидела, как девочка показала отцу небольшую бумажную фигурку.

Он внимательно рассмотрел ее, что-то ответил и снова поцеловал ребенка.

Точно так же когда-то целовал Кирилла.

Мне вдруг очень ясно вспомнилось, как наш сын в пять лет приносил отцу рисунки машин. Олег всегда приседал, чтобы оказаться с ним на одном уровне, внимательно слушал длинные объяснения, а потом прикреплял рисунок магнитом к холодильнику.

Один такой рисунок до сих пор висел у нас на кухне.

Лист давно пожелтел, края загнулись, но Олег не разрешал его выбрасывать.

Я смотрела на девочку и пыталась заставить себя думать.

Может быть, она ошиблась?

Может быть, назвала папой другого мужчину?

Но Олег продолжал держать ее на руках.

Женщина приблизилась к нему и положила ладонь на его спину.

На несколько секунд они замерли втроем в круге теплого света над крыльцом.

Ни один из них не выглядел гостем.

Я сжала телефон так сильно, что заболела кисть.

Девочка что-то попросила. Олег покачал головой, потом передал ее женщине и достал из кармана ключи.

Женщина улыбнулась ему, свободной рукой коснулась его щеки.

И поцеловала в губы.

Коротко.

Без демонстративной страсти.

Как целуют человека, с которым живут давно и которого провожают всего на несколько часов.

Я откинулась на сиденье.

В салоне стало душно. Я приоткрыла окно, хотя с улицы тянуло холодным сентябрьским воздухом.

Мне хотелось отвернуться.

Но я продолжала смотреть.

Олег спустился с крыльца, открыл машину и достал с заднего сиденья большой пакет. Девочка оживилась, когда он вернулся с ним к двери.

Наверное, там был подарок.

Он никогда не возвращался к Кириллу с пустыми руками, когда сын был маленьким.

Даже в самые трудные годы привозил игрушечную машинку, шоколад или какую-нибудь смешную вещицу, найденную по дороге.

Я вдруг подумала, что вечером он, возможно, не собирался возвращаться домой к десяти.

Может быть, он вообще не планировал ночевать у нас.

В последнее время такие случаи участились. Совещания, поездки, срочные встречи с заказчиками.

Я верила.

Мне не приходило в голову проверять.

Женщина с девочкой вошли в дом. Олег задержался на крыльце, ответил на телефонный звонок, потом тоже скрылся внутри.

Дверь закрылась.

Я осталась в машине.

О происходящем можно было сказать много страшных слов.

Измена. Обман. Предательство.

Но в тот момент ни одно из них не помещалось у меня в голове.

Я смотрела на пустое крыльцо и думала только о том, как уверенно девочка обнимала Олега за шею.

Сколько ей лет?

Пять? Шесть? Семь?

Неужели все это время он приезжал сюда, покупал продукты, выбирал подарки, укладывал ее спать?

А потом возвращался ко мне?

Я вспомнила прошлый Новый год.

Олег почти весь вечер отвечал на сообщения. Когда я попросила отложить телефон, он раздраженно сказал, что проблемы на производстве не исчезают даже в праздники.

К полуночи настроение у него испортилось окончательно.

Мы выпили по бокалу шампанского, обменялись подарками и вскоре разошлись по комнатам. Он сослался на головную боль.

Утром я нашла его спящим на диване с телефоном в руке.

Тогда мне было его жалко.

Я старалась не шуметь, приготовила завтрак и закрыла дверь в гостиную, чтобы он мог отдохнуть.

Теперь я вспомнила тот день с такой отчетливостью, что стало трудно дышать.

Телефон снова завибрировал.

Сообщение от Олега.

«Все нормально? Что-то случилось?»

Я посмотрела на светящиеся окна.

Хотелось ответить.

Написать, что я вижу его машину. Что стою у дома, где живет его другая женщина. Что только что видела маленькую девочку, которая называет его папой.

Но я не могла заставить пальцы двигаться.

В голове всплыла совсем другая мысль.

Дом.

Я ведь приехала сюда не потому, что подозревала мужа в измене.

Я искала адрес из накладной.

Заказ К-17.

Лестница.

Я медленно подняла глаза к большому окну первого этажа.

Внутри горел теплый свет. Сквозь стекло просматривалась просторная гостиная с большим диваном и светлым ковром.

А за ней, вдоль стены, поднималась лестница.

Светлый дуб.

Тонкие вертикальные элементы ограждения.

Плавный разворот поручня.

И первая ступень чуть длиннее остальных.

Я узнала ее сразу.

Даже отсюда, из машины, припаркованной на другой стороне улицы.

Потому что сама придумала этот разворот, сама выбирала оттенок древесины и несколько вечеров переделывала чертежи.

Олег тогда говорил, что мы должны постараться ради важного клиента.

Я постаралась.

Я построила лестницу для дома, в котором мой муж воспитывал дочь от другой женщины.

Глава 2. Ночью слышно лучше

Я не помнила, как выехала с Заозерной.

Позже, когда попыталась восстановить этот вечер по минутам, в памяти обнаружился странный провал. Я помнила девочку в розовой пижаме, ее руки на шее Олега, светлый дубовый поручень за стеклом. Помнила собственные пальцы, вцепившиеся в руль. А вот как завела машину, развернулась на узкой улице и добралась до первого перекрестка, вспомнить не смогла.

На светофоре я остановилась перед белой чертой и вдруг поняла, что плачу.

Без всхлипов, без дрожи в плечах. Слезы просто текли по лицу, а я продолжала смотреть на красный сигнал, словно от того, насколько внимательно я за ним следила, зависело, загорится ли зеленый.

Сзади нетерпеливо посигналили.

Я вздрогнула. Светофор давно переключился.

Припарковавшись у ближайшего магазина, я выключила двигатель и достала из бардачка бумажные салфетки. Там лежала почти пустая пачка, оставшаяся после нашей летней поездки на озеро. Мы ездили вдвоем с Олегом. Он тогда почти все время разговаривал по телефону, а я собирала на берегу плоские камешки и думала, что нам обязательно нужно выбраться куда-нибудь еще.

Мне хотелось напомнить ему, какими мы бывали раньше.

Я промокнула лицо.

Телефон лежал на пассажирском сиденье. На экране светилось непрочитанное сообщение от мужа.

«Лид, ты куда пропала?»

Я посмотрела на время отправки.

Двадцать один час три минуты.

За пятнадцать минут до этого он стоял на крыльце чужого дома с маленькой девочкой на руках. А теперь интересовался, куда пропала его законная жена.

Я открыла переписку.

За последние несколько месяцев там было удивительно мало личного. Списки покупок, фотографии документов, напоминания о платежах, просьбы забрать посылку. Иногда Олег присылал мне смешные картинки или желал спокойной ночи, если оставался в командировке.

В июле он написал: «Лидочка, люблю тебя. Не забудь, что у нас годовщина в субботу».

Я тогда обрадовалась. Даже сделала снимок экрана.

Наша двадцать третья годовщина пришлась на рабочую субботу. Мы собирались поужинать вместе, но Олегу пришлось срочно ехать к заказчику. Вернулся он поздно, с цветами из круглосуточного магазина и виноватой улыбкой.

Я не обиделась.

Теперь мне захотелось узнать, в каком доме он провел тот вечер до того, как приехал ко мне.

Я убрала телефон в сумку.

Можно было позвонить ему прямо сейчас. Потребовать объяснений, кричать, плакать, спрашивать, как он посмел. Он, вероятно, стал бы оправдываться, обещать все рассказать дома или раздраженно напомнил бы, что находится на важной встрече.

Я представила этот разговор и поняла, что не хочу вести его по телефону.

Мне нужно было видеть лицо Олега.

Хотя бы теперь.

До дома я добралась около десяти.

В подъезде пахло моющим средством и свежей выпечкой. На третьем этаже кто-то негромко разговаривал за приоткрытой дверью, у соседей сверху работал телевизор. Наша обычная жизнь продолжалась так беспечно, будто ничего не произошло.

Я открыла квартиру и включила свет.

В прихожей стояли домашние туфли Олега. На тумбочке лежали его запасные очки. Рядом с зеркалом висела небольшая деревянная полочка для ключей, которую мы сделали еще в первой мастерской.

Я сама покрывала ее лаком.

Когда мы переехали в эту квартиру, Олег настоял, чтобы полочку забрали с собой.

— Она же наша первая совместная работа, — сказал он тогда. — На новом месте должна висеть обязательно.

Я провела пальцами по гладкому краю.

Двадцать три года.

Мне было двадцать один, когда я вышла за него замуж.

Мы познакомились на дне рождения общего приятеля. Олег учился на последнем курсе, подрабатывал торговым представителем и мог разговорить кого угодно. Я заканчивала учебу, мечтала заниматься дизайном мебели и совершенно не собиралась заводить серьезные отношения.

Он ухаживал настойчиво, но не навязчиво. Привозил мне кофе перед занятиями, встречал после практики, однажды всю ночь помогал готовить макет, хотя понятия не имел, как правильно пользоваться чертежными инструментами.

Когда родился Кирилл, Олег первым научился менять подгузники, потому что мне после родов долго было трудно вставать.

Позже он устроился на работу с хорошей зарплатой, а я стала брать частные заказы. Именно Олег предложил открыть свою мастерскую.

— Ты умеешь делать вещи красивыми, а я умею их продавать. Разве этого мало?

Мы действительно подходили друг другу.

В этом заключалась самая мучительная часть случившегося.

Мне не хотелось объявлять все двадцать три года обманом. В них было слишком много настоящего. Рождение сына, болезни родителей, бессонные ночи, первые удачи, ссоры из-за денег, примирения, поездки, праздники. Мы пережили столько всего, что я давно перестала представлять свою жизнь отдельно от мужа.

И все же все то время, пока длилась его связь с той женщиной, он возвращался ко мне, зная то, чего не знала я.

Возможно, даже позволял мне переживать за него, когда сам был совершенно счастлив.

Я сняла пальто и повесила его в шкаф.

На кухне стояли две немытые чашки после завтрака. Моя с тонкой голубой полоской и большая серая кружка Олега. Он всегда пил кофе без сахара, но с большим количеством молока. И постоянно оставлял чашку возле мойки, хотя до посудомоечной машины было всего несколько шагов.

Я положила обе внутрь.

Затем открыла холодильник.

На верхней полке лежали куриное филе, помидоры, сыр. В контейнере оставалась вчерашняя гречка. Утром я собиралась приготовить ужин, но теперь даже мысль о еде вызывала отвращение.

Я достала воду, налила в стакан и поднесла его ко рту. Руки дрожали так сильно, что пришлось поставить стакан на стол и подождать.

В кухонном окне отражалась женщина с бледным лицом и размазанной тушью.

Я подошла ближе к стеклу.

За окном шел дождь. Мелкий, почти незаметный, он собирался на карнизе и срывался вниз отдельными каплями.

Я подумала о той женщине на Заозерной.

Она была моложе меня. Насколько, я не могла определить издалека. Может быть, лет на десять. Светлые волосы, стройная фигура, уверенные движения.

Она поправляла Олегу воротник.

Это почему-то мучило сильнее поцелуя.

Так поправляют одежду человеку, к которому давно привыкли прикасаться. Не спрашивая разрешения, не раздумывая, как он отреагирует.

Я тоже часто делала это.

Олег не любил, когда воротник рубашки сбивался под пиджаком.

Я открыла кран и умылась холодной водой прямо над кухонной раковиной.

Потом достала из шкафа маленькую кастрюлю, налила воду и поставила на плиту.

Зачем, не знаю.

Наверное, привычка делать что-нибудь руками оказалась сильнее всего остального.

Пока вода нагревалась, я сидела у стола и смотрела на фотографию Кирилла, прикрепленную к холодильнику магнитом.

Ему было лет восемь. Он стоял на берегу Волги в слишком большой панаме, а Олег держал его за плечи. Оба щурились от солнца.

Я попыталась вспомнить, как мы жили, когда Кирилл был подростком.

Кирилл тогда увлекался робототехникой. Мы возили его на соревнования в Москву, потом он сломал руку на тренировке, а летом мы всей семьей ездили на машине в Карелию.

Олег сам придумал маршрут. Мы останавливались у озер, ночевали в небольших гостиницах, фотографировались на мостиках и ели копченую рыбу, которую покупали у местных жителей.

Вечером в одном из домиков он обнимал меня под одеялом и говорил, что не представляет, как мы будем жить, когда Кирилл вырастет и уедет.

Я улыбалась и отвечала, что наконец выспимся.

Была ли у него уже тогда другая женщина?

Я не знала.

От этого незнания становилось почти физически больно.

Вода в кастрюле закипела и начала выплескиваться на плиту.

Я выключила конфорку.

Постояла рядом, наблюдая, как исчезает пар.

Потом вылила воду.

Никакого ужина я так и не приготовила.

Олег вернулся в одиннадцать двадцать семь.

Я сидела в гостиной с бухгалтерской папкой на коленях. Пыталась читать платежные документы, но последние полчаса не могла сосредоточиться даже на названиях организаций.

Когда в замке повернулся ключ, я подняла голову.

Олег вошел в квартиру, поставил сумку возле шкафа и негромко позвал:

— Лид?

— Я здесь.

Он заглянул в гостиную.

Выглядел усталым, но довольным. Та же синяя рубашка, темные волосы немного растрепались. В руках он держал небольшой пакет из магазина.

— Ты чего не спишь? — спросил он. — Я думал, ты уже легла.

— Ждала тебя.

— Что-то случилось?

Он подошел ближе и сразу заметил папку.

— Опять с документами сидишь? Лидочка, ну нельзя же так. Ты себя совсем загоняешь.

Я посмотрела на него.

Еще несколько часов назад эти слова показались бы заботливыми.

Теперь я пыталась понять, как человеку удавалось говорить их с такой естественностью.

— Как прошла встреча? — спросила я.

Олег опустился в кресло.

— Нормально. Договорились предварительно. На следующей неделе должны прислать условия.

— Во Ржеве?

— Да.

Он открыл пакет и достал упаковку сыра.

— Смотри, твой любимый взял. У нас возле дома такой редко бывает.

Я действительно любила этот сыр. Олег привозил его иногда из поездок.

— Спасибо.

Он положил покупку на стол.

— Ты ела?

— Нет.

— Совсем?

— Не хотелось.

— Лида, это уже несерьезно. Целый день на работе, а вечером даже не поела. У нас что-нибудь готовое есть? Я сам разогрею.

Он поднялся и направился к кухне.

Я смотрела ему вслед.

Другая женщина, другой дом. Девочка, которая называла его папой.

И муж, который сейчас собирался разогревать себе ужин на нашей кухне, словно задержался из-за обычной рабочей встречи.

— Олег.

Он остановился.

— Что?

— Ты сегодня действительно был во Ржеве?

Муж обернулся.

На несколько секунд его лицо стало неподвижным.

— Конечно. А что?

— Весь вечер?

— Лид, я же говорил, что у меня переговоры. Ты к чему?

Я положила папку на журнальный столик.

— А на Заозерной ты когда был?

Он не ответил.

Я видела, как изменилось выражение его лица. Не сильно. Олег умел владеть собой. Но он перестал выглядеть усталым человеком, который наконец пришел домой.

Теперь он внимательно следил за мной.

— На какой Заозерной?

— Улица Заозерная. Дом четырнадцать.

Олег медленно опустил пакет на край кухонной стойки.

— Откуда ты знаешь этот адрес?

— Я задала вопрос.

— А я спрашиваю, почему тебя заинтересовал этот дом.

— Потому что туда отправляли мебель с нашего производства. Я нашла накладные и решила посмотреть объект.

Он молчал.

— Примерно в половине девятого я видела там твою машину.

Олег опустил глаза.

В комнате было тихо. С кухни доносилось негромкое гудение холодильника. За стеной у соседей что-то упало, потом раздался приглушенный детский смех.

Обычные домашние звуки, среди которых я теперь отчетливо слышала дыхание собственного мужа.

— Лид, — начал он, — давай сначала спокойно поговорим.

Я почувствовала, как сжались пальцы.

— Именно этого я и хочу. Только без выдуманных поездок во Ржев.

Он прошел обратно в гостиную, но садиться не стал.

— Ты неправильно все поняла.

Я посмотрела ему в лицо.

— Что именно?

— Там не все так просто.

— Тогда объясни.

— Ты сейчас на эмоциях.

— Я весь вечер жду тебя и задаю довольно простые вопросы.

Олег провел ладонью по волосам.

— Слушай, если ты видела какую-то женщину...

— Я видела тебя с женщиной. Она поцеловала тебя. А перед этим на руках у тебя сидела девочка и называла папой.

Он отступил на шаг, словно я внезапно повысила голос.

Хотя я говорила тихо.

— Ты стояла возле дома?

— Да.

— И смотрела в окна?

— Нет. Я сидела в машине. Олег, кто эта девочка?

Он долго молчал.

Потом опустился в кресло и потер лицо руками.

Я смотрела на его плечи.

Когда-то мне было достаточно увидеть его таким, чтобы сразу подойти, обнять, спросить, что случилось. Я привыкла замечать его усталость раньше собственной.

Сейчас мне пришлось удерживать себя от этого движения.

— Ее зовут Ника, — наконец сказал он.

Я ждала продолжения.

— Ей семь лет.

— Она твоя дочь?

Олег кивнул.

Мне хотелось, чтобы он произнес это вслух.

— Ответь, пожалуйста.

— Да. Моя.

Я отвернулась к окну.

Дождь усилился. По стеклу быстро сбегали капли, и свет фонаря расплывался в их следах.

Семь лет.

Когда родилась эта девочка, Кириллу было четырнадцать.

Я вспомнила, как однажды зимой Олег уехал на несколько дней в командировку, а я осталась дома с сыном, заболевшим гриппом. У Кирилла поднялась высокая температура, врач назначил лечение, и я почти не спала две ночи.

Олег звонил, беспокоился, обещал приехать раньше.

Вернулся с огромным пакетом фруктов и игрушечным вертолетом, хотя Кирилл уже давно не играл в такие вещи.

Он тогда смеялся, говорил, что растерялся в магазине.

Теперь я пыталась вспомнить дату той поездки.

Может быть, именно тогда родилась Ника.

Но даже спрашивать об этом не хотелось.

— Как давно? — произнесла я.

Олег поднял голову.

— Что?

— Как давно у тебя отношения с ее матерью?

Он отвел взгляд.

— Это началось довольно давно.

— Сколько лет?

— Лида...

— Восемь? Десять?

— Около восьми.

Я посмотрела на него.

— Восемь лет?

— Да.

— Ее зовут Ксения?

Он удивился.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Просто увидела имя в одном из старых документов. Ты когда-то говорил, что это дизайнер по интерьерным проектам. Я запомнила.

Олег замер, потом медленно кивнул.

— Да, Ксения.

Я не могла понять, почему до сих пор сижу спокойно.

Хотелось закричать. Схватить со стола тяжелую вазу и разбить ее о стену. Сказать мужу все слова, которых он заслуживал.

Но я будто оказалась далеко от собственного тела.

Слышала его голос, видела знакомую комнату и одновременно не могла поверить, что этот разговор происходит на самом деле.

— Она знает, что ты женат?

— Да.

— Все восемь лет знала?

— Лида, там сложная история.

— Что сложного в этом вопросе?

Он выпрямился.

— Она знала, что у нас с тобой есть семья. Но я объяснил ей, что мы давно живем скорее как партнеры по бизнесу.

Я несколько секунд смотрела на него.

Потом рассмеялась.

Смех вышел коротким, неприятным даже для меня самой.

— Партнеры по бизнесу?

— Не нужно цепляться к словам.

— Мы с тобой спим в одной постели, Олег.

Он опустил глаза.

— Не так уж часто в последнее время.

Я почувствовала, как кровь прилила к лицу.

— Потому что ты постоянно отсутствуешь!

— Лид, пожалуйста, не кричи.

— Я не кричу.

Он помолчал.

— Хорошо. Давай без взаимных обвинений.

Я поднялась: сидеть напротив него больше не могла.

— Ты сейчас серьезно предлагаешь мне обойтись без обвинений?

— Я не говорю, что поступил правильно.

— Ты восемь лет живешь с другой женщиной. У тебя семилетняя дочь. Ты приезжаешь туда, проводишь время с ними, возвращаешься ко мне и рассказываешь о командировках. А теперь просишь не обвинять тебя?

— Я понимаю, как это выглядит.

— А как это выглядит с твоей стороны?

Олег отвернулся.

Я прошла к окну и обхватила себя руками.

В голове возникал один вопрос за другим, и я не знала, какой задать первым.

Сколько раз он отмечал с ними праздники?

Когда впервые взял Нику на руки?

Был ли рядом, когда она заболела?

Кого называл любимой женщиной, когда разговаривал с Ксенией?

И почему мне ни разу не пришло в голову, что у моего мужа может существовать отдельная жизнь, в которой он настолько счастлив?

— Ты ее любишь? — спросила я.

Олег долго молчал.

— Кого?

— Не притворяйся, что не понял.

Он посмотрел на меня с выражением, которое я хорошо знала. Так он смотрел, когда пытался подобрать слова, способные одновременно успокоить собеседника и не поставить себя в неудобное положение.

— Лид, мне трудно сейчас говорить об этом.

— А мне трудно слушать. Но я все-таки спрашиваю.

— У нас с Ксенией есть ребенок.

— Это я уже поняла.

— Ника ни в чем не виновата.

Я медленно повернулась.

— А кто сказал, что виновата?

— Я просто хочу, чтобы ты понимала...

— Я прекрасно понимаю, что семилетняя девочка не отвечает за поступки взрослых. Но сейчас мы разговариваем не о ней. Мы разговариваем о тебе.

Олег опустил голову.

— Я не собирался причинять тебе боль.

— А что собирался?

Он не ответил.

— Ты планировал однажды рассказать мне правду? Или рассчитывал прожить так до старости?

— Я много раз хотел поговорить.

— Восемь лет не хватило времени?

— Каждый раз находилась причина отложить.

— Какая?

— Кирилл. Компания. Твоя мама болела. Потом у нас начались проблемы с заказами. Я не мог просто все разрушить.

Я почувствовала такую злость, что пришлось сделать несколько глубоких вдохов.

— Значит, ты не хотел ничего разрушать?

— Я не это сказал.

— Ты сохранил семью, Олег. Очень удобно. Только оказалось, что сохранил сразу две.

Он встал.

— Лида, давай не будем превращать разговор в скандал. Я готов отвечать на вопросы. Но ты сейчас говоришь так, будто я все эти годы только и делал, что специально тебя обманывал.

Я повернулась к нему.

— А разве нет?

Он отвел взгляд.

И это молчание оказалось честнее всех его предыдущих объяснений.

Мы перебрались на кухню, потому что Олег захотел воды.

Я налила ему стакан, потом себе. Он сел за стол, привычно отодвинув лежавшую возле края салфетницу.

Я заметила это движение и почувствовала странную, почти болезненную нежность к нашему прошлому.

Я знала все его привычки: каким полотенцем он вытирал руки, как складывал рубашки в чемодан, почему всегда просил оставлять на кухне маленький свет, какой стороной поворачивал подушку перед сном.

Но совершенно не знала человека, сидевшего сейчас напротив.

— Ты живешь с ней? — спросила я.

— Нет. В основном я живу здесь.

— А там?

Олег посмотрел на стакан.

— Иногда остаюсь.

— Сколько раз в неделю?

— Лида, зачем тебе эти подробности?

— Потому что я хочу знать, как выглядел мой брак последние восемь лет.

Он вздохнул.

— По-разному. Иногда несколько дней подряд. Иногда неделями не бываю.

Я вспомнила бесконечные поездки.

Командировки в Москву, встречи с партнерами, ночные переговоры, задержки из-за плохой погоды.

Некоторые из них наверняка были настоящими.

Но теперь я не могла отличить их от выдуманных.

— А Ксения чем занимается?

— Дизайном интерьеров. Ты же помнишь.

— Работает?

— Да. У нее свое небольшое дело.

— Дом ее?

— Лида, какая разница?

— Для меня большая.

Олег потер переносицу.

— Дом оформлен на нее. Там ипотека, если тебя это интересует.

— А кто платит?

— Мы оба помогаем содержать дом.

Я внимательно посмотрела на него.

— Мы?

— Я и Ксения.

— На какие деньги?

Он поднял голову.

— На свои.

— На какие именно свои, Олег?

— У меня есть доход.

— У тебя доход генерального директора нашего предприятия.

— И сорок процентов долей.

— Доли не означают, что можно брать из компании сколько захочется.

Его лицо изменилось.

— Я прекрасно знаю, что означают мои доли.

— Тогда объясни, откуда берутся деньги на второй дом, если нашему предприятию не хватает средств для оплаты поставщикам.

— Не смешивай личное и рабочее.

Я несколько секунд смотрела на него.

— Ты действительно сейчас это сказал?

— Да, Лида. Потому что ты делаешь выводы, не разобравшись.

Я встала, прошла в гостиную и принесла папку с накладными.

Положила перед ним нужный лист.

— Что это?

Олег посмотрел на документ.

— Комплектация.

— Я вижу. Для какого объекта?

— Это старый заказ.

— Для какого объекта?

Он узнал адрес.

Я заметила это по тому, как быстро его взгляд перескочил со строки доставки на номер проекта.

— Лид...

— В доме Ксении стоит лестница, которую я проектировала для коммерческого заказчика. Там же находятся встроенные шкафы из нашей мастерской. Я хочу знать, кто оплатил эту мебель.

— Все оформлялось по документам.

— Я не спрашивала, оформлялось ли. Я спросила, кто оплатил.

— Это была отдельная комплектация. Часть работ проходила через посредника.

— Назови посредника.

— Сейчас не вспомню. Нужно смотреть архив.

Я достала следующий лист.

— А это?

Олег молчал.

— Шкафы. Отгрузка по тому же адресу. Здесь тоже посредник?

— Да.

— Один и тот же?

— Возможно.

— И ты не помнишь, кто платил за мебель в доме, где живет твоя дочь?

Он резко отодвинул папку.

— Что ты хочешь от меня услышать? Что я за собственные деньги купил ребенку мебель? Да, покупал. Я обеспечиваю дочь. И не собираюсь оправдываться за это.

Я с трудом удержалась от желания швырнуть папку обратно ему в руки.

— Покупай дочери что угодно. Но не за счет нашего предприятия.

— Ты сначала докажи, что что-то было оплачено за счет компании.

В кухне стало очень тихо.

Я посмотрела на мужа.

Он тоже понял, что произнес.

Поспешно добавил:

— Я не то имел в виду. Просто ты сейчас смешиваешь все в одну кучу. Накладная сама по себе ничего не доказывает.

— Именно поэтому я хочу посмотреть платежные документы.

— Посмотришь.

— Завтра.

— Да хоть завтра.

Он взял стакан, но не стал пить.

Я собрала бумаги.

Еще утром мне казалось, что мы столкнулись с обычным кассовым разрывом. Теперь я сидела напротив человека, который годами скрывал от меня другую семью и явно не собирался объяснять, как оплачивал ее жизнь.

Я старалась не делать выводов без доказательств.

Может быть, Ксения действительно работала и зарабатывала хорошие деньги. Может быть, Олег тратил на нее только свою зарплату и личные средства. Возможно, вся мебель была оплачена по надлежащим договорам.

Но почему тогда он не мог просто назвать источник оплаты?

— Помнишь, как мы продали мамину дачу? — спросила я.

Олег посмотрел на меня с недоумением.

— При чем здесь дача?

— Я спрашиваю, помнишь?

— Конечно.

— Ты тогда сказал, что нам придется сокращать расходы. Что предприятие может не выдержать зиму, если мы не внесем деньги.

— Так и было.

— Два миллиона четыреста тысяч. Я перевела их компании по договору займа.

— Помню, Лид.

— А у тебя уже была другая семья.

Олег отвел взгляд.

— Да.

— И ты продолжал ее содержать.

— Я не мог перестать помогать собственному ребенку.

— Я этого и не требовала. Я просто хочу понять, почему, когда наше предприятие нуждалось в деньгах, ты не сказал мне правду.

— Какую именно?

— Что у тебя есть еще один дом. Еще одна женщина. Еще один ребенок. Что семейные расходы вовсе не ограничиваются нашей квартирой и учебой Кирилла.

Он опустил руки на стол.

— Ты бы тогда не стала помогать компании?

Я посмотрела на него с удивлением.

— Я не знаю. Возможно, все равно дала бы деньги. Ведь там работают люди. И это мое дело не меньше твоего. Но решение было бы моим, Олег. А ты лишил меня возможности принять его, зная правду.

Он молчал.

Я вспомнила мамину дачу.

Домик с деревянной верандой. Шероховатые доски пола, которые мы все собирались отциклевать. Старую яблоню возле забора. Круглый кухонный стол, за которым мама пила чай с вареньем.

После ее смерти я почти не приезжала туда. Работы было слишком много, а Кирилл уже вырос.

Когда Олег предложил продать участок, я долго сомневалась.

Он не давил на меня открыто. Просто показывал расчеты, говорил о зарплатах сотрудников, о необходимости закупать материалы, о новых контрактах.

Я сама подписала договор.

И до сегодняшнего вечера считала, что поступила правильно.

— Ты помнишь, как я просила поехать в отпуск прошлым летом? — спросила я.

Олег нахмурился.

— Лида, при чем здесь отпуск?

— Помнишь?

— Мы не могли себе его позволить.

— Мы не могли. А вы могли?

Он посмотрел на меня.

— Что?

— Ты ездил куда-нибудь с Ксенией и Никой?

Он отвел взгляд.

Мне стало ясно, что ответ я уже получила.

— Куда?

— Лид, пожалуйста...

— Куда вы ездили?

— В Турцию. Один раз.

Я медленно села.

— Когда?

— Прошлым летом.

Я вспомнила август.

Олег тогда сообщил, что едет на несколько дней в Москву, где собирается встретиться с потенциальными заказчиками. Потом позвонил и сказал, что поездку придется продлить.

Я привезла его из аэропорта? Нет. Он приехал домой на машине. Сказал, что удалось договориться о новом контракте.

Вернулся загорелым.

Я тогда подшутила над ним, что московское солнце оказалось удивительно щедрым.

Он ответил, что много ходил пешком.

Я поверила.

— Сколько стоила поездка? — спросила я.

— Лид...

— Не говори мне больше так.

Олег замер.

— Как?

— Этим голосом. Будто я капризничаю из-за какой-то мелочи, а ты пытаешься меня успокоить.

Он откинулся на спинку стула.

— Хорошо. Я понимаю, что ты злишься. Но поездку я оплатил из личных денег.

— Каких личных? Из зарплаты?

— В том числе.

— А мне ты говорил, что мы должны экономить.

— На предприятии действительно были сложности.

— Значит, мы с Кириллом экономили, потому что предприятие переживало сложности, а ты ездил отдыхать с другой семьей?

— Я не собираюсь оправдываться за то, что свозил дочь на море.

Я подняла глаза.

— Ты опять прячешься за ребенком.

Олег открыл рот, но я продолжила:

— Не Ника врала мне о командировках. Не Ника убеждала продать мамину дачу. Не она говорила, что ремонт кухни придется отложить, потому что денег нет. Все это делал ты.

Муж впервые за вечер повысил голос:

— А ты думаешь, мне было легко? Думаешь, я не разрывался между вами?

Я замолчала.

Он смотрел на меня с неподдельным возмущением.

— Я восемь лет пытался устроить так, чтобы никто не пострадал. Чтобы Кирилл спокойно вырос. Чтобы у Ники был отец. Чтобы ты не переживала. Я все время работал, все время решал какие-то проблемы. И в результате все равно оказался виноват!

Я не знала, смеяться или плакать.

— Ты хотел, чтобы никто не пострадал, — повторила я.

— Да.

— И поэтому восемь лет обманывал меня.

— Не все так просто.

— Олег, ты просто хотел, чтобы тебе было удобно.

Он отвернулся.

Я впервые за весь разговор почувствовала не только боль, но и ясное понимание происходящего.

Муж действительно считал себя человеком, который сделал все возможное.

Ему было искренне жаль себя.

За сложную жизнь, бесконечные поездки, необходимость придумывать объяснения, распределять деньги, помнить, кому и что обещал.

Наверное, он и правда устал.

Только я не могла ему сочувствовать.

Было почти два часа ночи.

Я не заметила, как прошло столько времени.

Олег несколько раз предлагал отложить разговор до утра. Я отказывалась. Теперь, когда правда наконец оказалась между нами, мне хотелось услышать хотя бы то, что он готов признать.

Но каждое объяснение приносило новые вопросы.

— Ты собираешься уйти к ней? — спросила я.

Муж потер ладонью затылок.

— Не знаю.

Я посмотрела на него.

— Восемь лет отношений, семилетняя дочь, общий дом. И ты не знаешь?

— Лида, я сегодня не собирался принимать никаких окончательных решений.

— А я собираюсь.

Он поднял голову.

— Что это значит?

— Я хочу развестись.

Олег долго смотрел на меня, будто не расслышал.

— Ты сейчас на эмоциях.

— Возможно.

— Тогда давай не будем говорить глупости.

— Это не глупость.

Он раздраженно выдохнул.

— У нас двадцать три года брака, общий ребенок, общее дело. Нельзя взять и перечеркнуть все за один вечер.

— Ты перечеркивал не один вечер. У тебя ушло восемь лет.

— Опять ты за свое!

Я встала и подошла к окну.

— Уезжай сегодня, пожалуйста.

— Куда?

Я обернулась.

— У тебя есть где переночевать.

Олег несколько секунд смотрел на меня.

Потом медленно произнес:

— Это и моя квартира, Лида.

— Я знаю.

— И я не собираюсь уходить только потому, что ты сейчас не можешь спокойно разговаривать.

— Тогда останусь в другой комнате я. Но спать с тобой в одной постели больше не буду.

Он провел ладонью по столу.

— Ты все усложняешь.

Я почувствовала усталость.

До такой степени, что даже спорить больше не хотелось.

— Нет, Олег. Я просто узнала, насколько все уже было сложно. Только раньше об этом знал один ты.

Он встал, прошел по кухне, остановился возле холодильника.

Некоторое время рассматривал старую фотографию Кирилла.

— Я не хотел терять вас, — тихо сказал он.

Эти слова неожиданно задели меня.

Возможно, потому что впервые за вечер в его голосе не было раздражения.

Я посмотрела на него.

— Нас с Кириллом?

Олег кивнул.

— Вы моя семья.

Я не выдержала.

— Тогда кто они?

Он закрыл глаза.

— Они тоже.

Я отвернулась.

Вот и весь ответ.

Две семьи. Два дома. Две женщины, которые должны были каким-то образом помещаться в жизни одного мужчины, не мешая друг другу.

А он хотел, чтобы все оставалось как прежде.

Я прошла в спальню.

Олег последовал за мной.

— Лида, куда ты?

— Переодеться.

— Нам нужно нормально все обсудить.

Я повернулась.

— Мы разговариваем больше трех часов. Что еще ты хочешь мне сказать?

Он остановился в дверях.

— Я хотел поговорить о будущем. О компании.

Я молча достала из шкафа домашний костюм.

Олег постоял немного, затем произнес:

— Есть один вариант, который может решить наши финансовые проблемы.

Я обернулась.

— Какой?

— Продать предприятие.

Несколько секунд я не понимала, почему он вообще заговорил об этом сейчас.

— Мы уже обсуждали продажу, — сказала я. — И я объяснила, что не готова рассматривать ее без оценки и финансовых отчетов.

— Сейчас ситуация другая.

— Чем?

— Мы можем разойтись спокойно. Продать бизнес, закрыть основные долги, разделить то, что останется. Каждый начнет собственную жизнь.

Я положила сложенную одежду на кровать.

— Ты уже нашел покупателя?

Олег замялся.

— Есть заинтересованные люди.

— Кто?

— Пока рано называть имена.

— Какую цену они предлагают?

— Предварительно обсуждаем.

— Олег.

— Около тридцати миллионов. Возможно, немного больше.

Я почувствовала, как внутри поднимается новая волна возмущения.

— За действующее производство? Со всеми станками, оборудованием, контрактами?

— Лида, у нас серьезные долги.

— Я прекрасно знаю, что у нас долги. Но ты не можешь просто назвать цену и объявить, что мы должны все продать.

— Иногда лучше потерять часть, чем остаться вообще без ничего.

— И почему об этом ты решил заговорить именно сегодня?

Олег посмотрел на меня с упреком.

— Потому что мы оба понимаем: сохранить прежнюю жизнь не получится.

— Брак — нет. Предприятие здесь при чем?

— Все связано.

— Нет. Ты хочешь связать эти вопросы, потому что тебе так удобнее.

Он устало опустился на край кровати.

— Лида, пойми. Я не пытаюсь тебя обмануть. Компания переживает серьезные финансовые трудности. Если сейчас не найти выход, кредиторы начнут предъявлять требования. А дальше неизвестно, чем все закончится.

Я прислонилась к шкафу.

— Ты еще днем говорил, что у нас обычный кассовый разрыв.

— Я не хотел тебя пугать.

— А теперь пугаешь?

Он поднял глаза.

— Я пытаюсь объяснить серьезность положения.

— Тогда начни с документов.

— Опять документы.

— Да. Деньги, обязательства, контракты, долги. Все, чем ты занимался и о чем теперь не можешь рассказать без общих слов.

— Ты не понимаешь, что продажа может оказаться единственным разумным решением.

— Возможно. Но сначала я хочу сама увидеть реальную картину.

Олег встал.

— Хорошо. Допустим, ты откажешься продавать. Что дальше? Будешь сама договариваться со всеми кредиторами? С банком? С Ракитиным?

— Да, если понадобится.

Он невесело усмехнулся.

— Ты умеешь делать красивые шкафы, Лида. Но у бизнеса есть и другая сторона.

Я молча смотрела на него.

За пятнадцать лет совместной работы он впервые произнес нечто настолько унизительное о моей профессии.

Я знала, что он прекрасно понимал, чем именно я занималась.

Умела составлять сметы, рассчитывать себестоимость, договариваться с подрядчиками, контролировать закупки, находить работников и решать проблемы с оборудованием. Мы вместе строили компанию, но теперь Олег говорил так, будто я всю жизнь всего лишь рисовала красивые дверцы.

— Выйди, пожалуйста, — сказала я.

Он помолчал.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Выйди.

Олег отступил в коридор.

Я закрыла дверь.

Потом села на кровать и некоторое время просто смотрела на собственные руки.

Под ногтем большого пальца оставалась тонкая темная полоска. Утром я проверяла тонировку дубового шпона, и краситель попал на кожу. Я пыталась смыть его после работы, но маленькое пятно не исчезло.

Мои руки никогда не выглядели безупречно.

Я постоянно что-нибудь проверяла, шлифовала, переставляла образцы, проводила ладонями по поверхности готовых изделий.

Олег когда-то говорил, что любит мои руки именно за это.

Теперь оказалось, что я всего лишь умею делать красивые шкафы.

Я закрыла лицо ладонями.

И наконец заплакала по-настоящему.

Не из-за его последней фразы.

Из-за того, сколько всего мне теперь предстояло пересмотреть.

Через некоторое время в дверь постучали.

Я вытерла лицо полотенцем.

— Что?

— Лид, можно?

— Говори.

Олег приоткрыл дверь.

Он уже переоделся в домашнюю футболку. Видимо, собирался остаться ночевать.

— Я хотел извиниться.

Я молчала.

— Про шкафы я сказал глупость. Ты прекрасно знаешь, как я отношусь к твоей работе.

Я посмотрела на него.

— Уже не уверена.

Он вздохнул.

— Я не собираюсь с тобой воевать. Нам нужно остаться нормальными людьми. Ради Кирилла. Ради предприятия.

— Я тоже не собираюсь воевать.

— Тогда давай завтра поговорим спокойно.

— Завтра я хочу получить финансовые отчеты.

— Получишь.

— И полный список обязательств компании.

— Хорошо.

— И документы по проекту К-17.

Олег задержался у двери.

— Зачем тебе именно этот проект?

— Потому что я хочу разобраться, как наша мебель оказалась в доме Ксении.

Он помолчал.

— Я попрошу Раису все подготовить.

— Не нужно просить ее выбирать, что мне показывать. Я хочу получить документы полностью.

— Лида, я же согласился.

Я кивнула.

Он собирался закрыть дверь, когда вдруг остановился.

— И еще одно. Ты должна понимать, что сейчас любые резкие решения могут очень дорого обойтись.

— Какие именно?

Олег посмотрел на меня с выражением, в котором смешались усталость и раздражение.

— Например, если ты решишь устроить скандал с банком или начать требовать немедленного закрытия кредитной линии.

— Я не собираюсь устраивать скандалы. Я собираюсь выяснить, что происходит.

— Хорошо. Но ты помнишь, что подписывала поручительство?

Я почувствовала неприятный холод в животе.

— По кредитной линии?

— Да.

— Конечно, помню.

— Значит, понимаешь, что банк может предъявить требования не только компании.

Я несколько секунд смотрела на него.

— Ты сейчас мне угрожаешь?

Олег поморщился.

— Господи, Лида. Я предупреждаю. Мы оба отвечаем за последствия. Если предприятие не сможет платить, твое поручительство никуда не исчезнет просто потому, что мы разведемся.

Он говорил о реальных вещах.

Договор поручительства существовал. Я подписала его два года назад, когда предприятие получало кредитную линию на двенадцать миллионов рублей.

Тогда банк требовал дополнительного обеспечения, а Олег уверял, что это обычная процедура. Юрист объяснял мне возможные последствия, но мы были уверены, что компания справится с обязательствами.

Кредит использовался для закупки материалов и пополнения оборотных средств.

По крайней мере, так я считала.

— Насколько серьезна просрочка? — спросила я.

Олег отвел взгляд.

— Пока ничего критического. Но если мы не договоримся с банком...

— Я спрашиваю о текущей просрочке.

— Раиса даст тебе документы.

— Ты не знаешь?

— Знаю. Просто сейчас уже почти три часа ночи, Лида. Неужели нельзя дождаться утра?

Я медленно выдохнула.

— Можно. До утра я подожду.

Он кивнул.

— Тогда давай хотя бы поспим.

Я посмотрела на него.

— Ты можешь лечь в гостиной. Я закрою дверь спальни.

Олег нахмурился.

— Лид, может, не будем устраивать представление?

— Это не представление.

Он хотел что-то добавить, но передумал.

— Хорошо.

Дверь закрылась.

Я осталась одна.

Из гостиной доносились привычные звуки. Олег передвинул кресло, открыл шкаф с постельным бельем, что-то уронил, негромко выругался.

Через несколько минут в квартире стало тихо.

Я сидела на кровати и пыталась разобраться в собственных чувствах.

Мне было больно из-за измены. От одной мысли о том, что муж обнимал другую женщину, становилось дурно. Я представляла их вместе и тут же запрещала себе думать об этом.

Но теперь к боли примешивался страх.

Предприятие.

Долги.

Банковский кредит.

Я слишком хорошо знала, сколько сил и денег вложено в нашу мастерскую.

Станки покупались постепенно. Некоторое оборудование мы приобретали подержанным, потом заменяли. Несколько лет выплачивали кредит за первый большой форматно-раскроечный станок. Когда наконец закрыли последний платеж, устроили маленький праздник прямо в цехе.

Павел принес пирог, Раиса Петровна купила торт, а Олег произнес длинный тост о том, что теперь мы обязательно станем крупной компанией.

Я тогда смеялась.

Мне не нужна была крупная компания.

Я хотела, чтобы дело работало, люди получали зарплату, а мы могли выбирать интересные проекты и не бояться каждого следующего месяца.

Потом появились новые заказы, новые сотрудники, новые кредиты.

Я не жалела о развитии бизнеса. Но теперь впервые задумалась, сколько решений принималось без моего настоящего участия.

Олег всегда говорил, что финансовые вопросы лучше не обсуждать вдвоем, потому что мы начинаем спорить.

Я соглашалась.

Мне казалось разумным доверять человеку, с которым прожила почти всю взрослую жизнь.

Я не проверяла его телефон, не задавала лишних вопросов о командировках, не требовала подробных отчетов о каждом расходе.

Доверие было основой нашего брака.

И нашей компании тоже.

Теперь я не знала, что осталось от нашего брака и общего дела.

В половине четвертого я снова вышла на кухню.

Сон не приходил.

Олег, судя по тишине в гостиной, уже спал. Я остановилась у двери и прислушалась. Через несколько секунд услышала его ровное дыхание.

Он умел засыпать быстро.

Даже после самых тяжелых рабочих дней ему обычно хватало нескольких минут. Я иногда завидовала этому умению.

Сегодня зависти не было.

Я налила воды, села за стол и открыла телефон.

В переписке с сыном последним сообщением была фотография новой кастрюли, которую он успел купить вечером.

«Смотри, мам, теперь точно ничего не сгорит».

На фотографии Кирилл держал огромную блестящую кастрюлю так торжественно, будто получил спортивный кубок.

Я улыбнулась.

Потом увидела его лицо и поняла, что не имею представления, как расскажу ему о случившемся.

Он очень любил отца.

Олег научил его плавать, кататься на велосипеде, водить машину. Помог выбрать университет, приезжал на соревнования, гордился каждым достижением сына.

И все это время где-то росла маленькая девочка.

Кирилл не знал, что у него есть сестра.

Сколько правды я должна буду ему рассказать?

И кто должен сказать ему об этом — я или отец?

Я набрала сообщение:

«Спокойной ночи, Кирюш. Люблю тебя».

Отправила.

Ответ пришел почти сразу.

«Мам, ты чего не спишь? Все нормально?»

Я смотрела на экран.

Потом написала:

«Не спится. Завтра созвонимся».

Он прислал сердечко.

Я положила телефон на стол и долго сидела неподвижно.

Мне хотелось позвонить матери.

Это желание возникало у меня всякий раз, когда случалось что-нибудь серьезное. Даже спустя годы после ее смерти я иногда ловила себя на мысли, что нужно набрать знакомый номер, услышать спокойное «ну что у тебя, доченька?» и выговориться.

Мама никогда не давала советов, пока я сама не просила.

Она умела слушать.

Когда я выходила замуж, она сказала, что самое трудное в браке — не любить другого человека, а не забыть при этом, кто ты сама.

Тогда мне показалось, что она просто повторяет какую-то красивую мысль.

Сегодня я впервые задумалась, насколько давно перестала задавать себе этот вопрос.

Кто я, если убрать из моей жизни Олега?

Мать Кирилла.

Руководитель производства.

Женщина, которая любит хорошие книги, старую мебель и прогулки возле воды.

Человек, который умеет придумывать красивые вещи и доводить их до готового результата.

Это было немало.

И все же мне страшно не хотелось начинать с этого списка новую жизнь.

Я хотела вернуть вчерашний день.

Хотела снова не знать о Заозерной улице. О семилетней девочке. О том, что муж целовал другую женщину, пока я ждала его домой.

Мне хотелось проснуться утром, услышать, как Олег шумит кофемашиной, и раздраженно попросить его не стучать чашками.

Но я уже знала правду и не могла притворяться, будто ничего не случилось.

Я поднялась и прошла в прихожую.

В сумке лежала накладная по проекту К-17.

Я достала ее, расправила на тумбочке.

Обычный лист бумаги. Номер, дата, перечень изделий, адрес доставки.

Ничего особенного.

Такие документы я просматривала десятками.

Только теперь именно этот лист разделял мою жизнь на две части.

Я вспомнила лестницу за стеклом.

Когда придумывала ее, мне нравилась мысль о том, что человек будет подниматься по этим ступеням много лет. Дети вырастут, в доме появятся гости, поменяется мебель, перекрасят стены, а хорошая лестница останется.

Я представляла чужую семью, которой будет удобно жить среди вещей, сделанных нашими руками.

Даже тогда я не знала, насколько чужой окажется эта семья лично для меня.

Я аккуратно сложила накладную и убрала обратно в папку.

Потом открыла нижний ящик тумбочки, где мы хранили документы на квартиру, страховки и копии банковских договоров.

Среди прозрачных файлов нашла папку с логотипом банка.

На обложке была моя фамилия.

Я достала договор поручительства.

Двенадцать миллионов рублей.

Подпись на последней странице была моей.

Я хорошо помнила день, когда ее поставила. Олег тогда торопился на встречу и попросил меня приехать в банк к определенному часу. Мы вместе выслушали сотрудника, прочитали основные условия, подписали бумаги.

Мне казалось, что я помогаю нашему общему делу.

Возможно, так и было.

Но теперь я не собиралась снова верить только потому, что рядом сидит мой муж и уверяет, что все под контролем.

Я положила договор на стол.

Рядом — накладную с Заозерной улицы.

Два документа, которые еще вчера никак не были связаны в моем сознании.

За окном дождь постепенно стихал.

Я прислушалась к звукам квартиры. Олег по-прежнему спал в гостиной. На кухне негромко гудел холодильник. Где-то далеко за окном проехала машина.

Я взяла чистый лист и начала записывать вопросы.

Какие обязательства есть у компании?

По каким платежам возникла просрочка?

Куда ушли последние авансы?

Кто утверждал расходы по проекту К-17?

Какие документы подписывала я сама?

Что можно сделать, чтобы сохранить производство?

Рука постепенно перестала дрожать.

Я не знала, что найду в бухгалтерии.

Не знала, сколько на самом деле стоит наш бизнес, какие долги придется выплачивать и насколько сильно муж запутал финансовые дела.

Не знала даже, сколько дней пройдет, прежде чем я смогу спокойно произнести слово «развод».

Но кое-что решила совершенно определенно.

Утром я поеду на работу и потребую документы.

Не потому, что хотела отомстить Олегу.

Я должна была понять, что происходит с предприятием, за которое отвечала перед двадцатью семью людьми. И выяснить, не поставил ли муж под угрозу то, что мы создавали пятнадцать лет.

В половине шестого я закончила список.

На последней строке написала: «Найти юриста. Независимого от Олега».

Подчеркнула.

Потом закрыла папку и пошла умываться.

В зеркале ванной отражалась уставшая женщина с покрасневшими глазами. Мне было сорок четыре года, я почти не спала и впервые за двадцать три года брака не хотела видеть мужа за завтраком.

Я открыла шкафчик, достала зубную щетку и заметила рядом его бритву.

Раньше она всегда стояла справа. Я иногда переставляла ее, освобождая место для своих вещей, а Олег неизменно возвращал обратно.

На этот раз я ничего не стала трогать.

Просто закрыла шкафчик.

Когда вышла из ванной, из гостиной донесся голос мужа:

— Лид, ты уже встала?

Он появился в дверях, помятый после сна, с растрепанными волосами. Посмотрел на меня, на папку с документами в руках, затем на настенные часы.

— Ты вообще ложилась?

— Нет.

Олег вздохнул.

— Ну вот. Я же просил тебя не накручивать себя. Мы все решим. Просто нужно немного времени.

Я остановилась возле двери спальни.

— Скажи, пожалуйста, — спросила я, — ты собираешься сегодня дать мне доступ ко всем документам?

Он нахмурился.

— Опять с самого утра?

— Да или нет?

— Дам, конечно. Только не нужно устраивать переполох. У нас и без того сотрудники нервничают.

— Хорошо.

Я вошла в спальню, чтобы переодеться.

Олег остался в коридоре.

Через несколько секунд он спросил:

— А вечером мы сможем нормально поговорить?

Я достала из шкафа чистую рубашку.

— О чем?

— О нас. О том, что дальше делать.

Я посмотрела на него через открытую дверь.

В этом вопросе было столько привычной уверенности, что на мгновение я снова узнала человека, за которого когда-то вышла замуж.

Он искренне ожидал, что мы сядем вечером за стол, обсудим сложную ситуацию и найдем удобное решение.

Как всегда.

Я не стала спорить.

— Олег, я сегодня подам заявление о разводе.

Он замер.

— Лида...

— А после этого мы будем разговаривать о компании. Отдельно.

Он хотел что-то сказать, но я закрыла дверь.

На этот раз мне действительно нужно было собираться на работу.

Глава 3. Подлинная

В семь утра Олег жарил яичницу.

Я остановилась на пороге кухни и некоторое время смотрела, как он осторожно поддевает лопаткой поджаренный край белка. На столе стояли две чашки, рядом лежал нарезанный хлеб, а на подоконнике стояла открытая банка с кофе.

По четвергам он всегда готовил завтрак сам. Не потому, что четверг был особенным днем. Просто много лет назад я стала ездить именно по четвергам к поставщику древесины, и Олег решил, что хотя бы раз в неделю может избавить меня от утренних хлопот. Поездки давно прекратились, а привычка осталась.

Сегодня была среда.

Я посмотрела на календарь возле холодильника, словно могла ошибиться.

— Доброе утро, — сказал муж. — Ты рано собралась.

Он положил яичницу на тарелку и повернулся ко мне с привычной улыбкой.

Я не ответила сразу.

За ночь я несколько раз представляла, каким будет наше следующее утро. Думала, что он станет просить прощения, злиться, убеждать меня не торопиться с разводом. Воображала неловкое молчание, ссору из-за ванной, его попытку обнять меня.

Но не яичницу.

— Я приготовил и тебе, — сказал Олег, заметив мой взгляд. — Садись, пока горячая.

— Спасибо. Не хочу.

— Ты вчера почти ничего не ела.

Он говорил так естественно, что мне на мгновение захотелось спросить, помнит ли он вообще наш ночной разговор.

— Я поем на работе.

— Лида, ну сколько можно себя мучить?

Я прошла к кофемашине.

— Мне нужен только кофе.

Он поставил тарелку на стол.

— Я всю ночь думал.

На самом деле большую часть ночи он спал. Я слышала его дыхание из гостиной, когда выходила за водой. Но поправлять не стала.

— И к чему пришел?

— Нам не стоит принимать решения сгоряча. Я понимаю, что тебе больно. Не требую, чтобы ты немедленно меня простила.

Я нажала кнопку кофемашины.

Олег помолчал, ожидая ответа.

— Я хотел бы, чтобы мы все обсудили без посторонних, — продолжил он. — Не обязательно сегодня. Можно на выходных куда-нибудь поехать, спокойно поговорить.

— На выходных я буду работать.

— Ты можешь хотя бы на один день забыть о предприятии?

Я повернулась к нему.

— Сегодня я собираюсь разобраться с его финансами. А заявление о разводе подам независимо от того, когда у тебя найдется свободный день.

Он отложил вилку.

— Ты действительно собираешься это сделать?

— Да.

— И даже не хочешь подумать, как это отразится на Кирилле?

Вопрос был рассчитан точно.

Еще вчера я, наверное, начала бы объяснять, что никогда не причиню сыну боли сознательно, что мы обязательно поговорим с ним вместе, что взрослому человеку тоже трудно переживать развод родителей.

Сегодня я просто спросила:

— Ты думал о Кирилле, когда заводил вторую семью?

Олег посмотрел на меня исподлобья.

— Я уже объяснил, почему ничего не говорил.

— Объяснил.

Я сняла чашку с подставки, добавила молоко.

Он больше не стал спорить.

Когда я проходила мимо стола, Олег неожиданно взял меня за руку.

— Лида, посмотри на меня.

Я остановилась.

Его пальцы были знакомыми, теплыми. Я машинально повернула ладонь, как делала сотни раз, когда мы шли рядом по улице.

Потом вспомнила, что вчера видела эти руки на спине другой женщины.

Осторожно освободилась.

— Не надо.

— Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь.

— Нет, Олег. Не понимаешь.

Он опустил руку.

Я допила кофе стоя, забрала сумку и вышла, не прикоснувшись к завтраку.

Уже в лифте мне пришло сообщение.

«Лид, только не рассказывай пока Кириллу. Дай нам время все уладить».

Я прочитала его дважды.

Потом убрала телефон.

У Олега было восемь лет, чтобы решить, что именно он собирается уладить. Мне хватило одной ночи, чтобы понять: ждать его больше нельзя.

Возле предприятия я остановилась не сразу.

Свернула к небольшой кофейне через дорогу, припарковалась у обочины и некоторое время сидела, глядя на вывеску нашей мастерской.

«Тис».

Пятнадцать лет назад мы с Олегом несколько недель выбирали название. Мне хотелось чего-нибудь короткого, связанного с древесиной, но без обычных «Дубрав», «Лесных домов» и «Мастерских уюта».

В конце концов я предложила тис.

Красивое дерево с плотной, прочной древесиной, которое растет медленно и может жить столетиями.

Олег тогда сказал, что покупателям все равно, почему мы так назвались, но согласился.

Вчера ночью он предложил продать предприятие за тридцать миллионов рублей.

Я попыталась представить, как чужие люди входят в наш цех, снимают старую вывеску, распродают оборудование или переводят заказы на другую площадку.

Не получилось.

Впрочем, я не знала, сколько на самом деле стоит компания.

Тридцать миллионов могли оказаться несправедливо низкой ценой. А могли быть предложением, которое следовало всерьез рассмотреть, если предприятие действительно находилось на грани неплатежеспособности.

Я слишком долго принимала финансовые решения со слов мужа.

Теперь собиралась узнать цифры сама.

В кофейне я купила бутылку воды и маленький бутерброд. Села у окна, достала телефон и нашла номер Марины Густовой.

Марина была архитектором. Мы сотрудничали больше десяти лет, спорили из-за материалов, сроков и смет, несколько раз вместе ездили на объекты. Близкими подругами не стали, но я доверяла ее профессиональным суждениям.

Однажды она рассказывала, что долго судилась с бывшим деловым партнером и наконец нашла юриста, который сумел привести документы в порядок.

Я набрала ее номер.

— Лидия? — удивилась Марина. — Ты уже на работе?

— Почти. Мне нужен один контакт.

— Какой?

— Юрист по корпоративным спорам. Желательно хороший и не связанный с Олегом.

На другом конце провода стало тихо.

— Что случилось?

— Проблемы с компанией. Я пока не готова рассказывать.

Марина не стала расспрашивать.

— Татьяна Корнева. Помнишь, я тебе говорила? Она занималась нашим спором с подрядчиком, а потом консультировала меня по доле в фирме. Очень въедливая женщина. Иногда даже слишком.

— Мне сейчас такая и нужна.

— Скину номер. Скажи, что от меня.

— Спасибо.

— Лида, только договорись с ней до того, как начнешь что-нибудь подписывать.

Я невольно усмехнулась.

— Именно это я и собираюсь сделать.

— И еще. Если у вас серьезные неприятности, не пытайся решить все за один день. Ты любишь так делать.

Она отключилась прежде, чем я успела ответить.

Через минуту пришел контакт.

Я позвонила.

Татьяна Корнева ответила спокойным, немного низким голосом. Выслушала мое краткое объяснение и предложила встретиться в половине двенадцатого.

— Возьмите устав общества, если он у вас есть, документы по долям, банковское поручительство и все, что касается предполагаемой продажи бизнеса, — перечислила она. — Но не тратьте утро на поиски того, к чему сейчас нет доступа. Для начала разберемся, что вам известно.

— Есть еще семейный вопрос. Развод.

— Тогда начнем с него. Часто оказывается, что эти вопросы теснее связаны, чем хотелось бы.

Я поблагодарила ее, убрала телефон и наконец откусила бутерброд.

За соседним столиком две женщины обсуждали школьное собрание. Одна возмущалась обязательным сбором денег на новые жалюзи, другая рассказывала, как ее дочь забыла спортивную форму.

Я слушала их и завидовала.

Еще вчера моими главными неприятностями были просроченные поставки, банковский платеж и неудачно собранный шкаф.

Теперь я собиралась к юристу, чтобы выяснить, как развестись с человеком, которому доверяла большую часть жизни, и не потерять вслед за браком собственное дело.

Раиса Петровна уже была на работе.

Когда я заглянула к ней, она быстро закрыла открытый на экране документ.

Я заметила движение, хотя не собиралась следить за ее компьютером.

— Доброе утро, — сказала я.

— Доброе, Лидия Андреевна.

— Олег сегодня приезжал?

— Нет. По крайней мере, я его не видела.

— Хорошо. Мне нужны бухгалтерские документы.

Она выпрямилась.

— Какие именно?

Я достала список, написанный ночью.

— Выписки по всем расчетным счетам за последние полтора года. Договоры с поставщиками, по которым есть задолженность. График платежей по кредитной линии, сведения о просрочках. И отдельно все документы по проекту К-17.

Раиса Петровна медленно сняла очки.

— За полтора года?

— Да.

— Это очень большой объем.

— Понимаю. Давайте начнем с последних шести месяцев, а остальное будем собирать постепенно.

— Олег Викторович знает?

— Он знает, что я собираюсь изучить финансовое положение предприятия.

Она посмотрела на дверь.

— Я не могу просто взять и выдать все документы без согласования.

Я села напротив нее.

— Почему?

— Потому что у нас установлен порядок доступа. Часть документов находится в архиве директора, часть на бухгалтерском сервере. Есть банковские сведения.

— Я участник общества, Раиса Петровна. Мне принадлежит шестьдесят процентов долей. Насколько я понимаю, у меня есть право знакомиться с документацией компании.

— Конечно. Просто нужно все правильно оформить.

— Оформим. Подготовьте, пожалуйста, перечень документов, к которым у вас есть доступ, и скажите, какие запросы необходимо направить официально.

Она заметно расслабилась.

— Так будет лучше.

— И еще. Я не хочу, чтобы вы скрывали от меня что-то из-за личных отношений с Олегом. Но не прошу нарушать правила или отдавать документы тайком.

Раиса Петровна сложила очки на стол.

— Лидия Андреевна, я пятнадцать лет почти в этой компании. Вы знаете, как я отношусь к работе.

— Знаю.

— Последнее время стало очень трудно.

Она сказала это тихо.

Я подождала.

— Олег Викторович часто просил проводить платежи в срочном порядке, — продолжила бухгалтер. — Потом документы приносили позже. Иногда не приносили совсем, приходилось напоминать. Я говорила, что так нельзя.

— И что он отвечал?

— Что все под контролем. Что сначала нужно провести операцию, а бумажную часть потом закроют.

— Вы соглашались?

Она посмотрела на меня прямо.

— Иногда. Но я не могу подписывать документы вместо руководителя. Я проверяла то, за что отвечаю сама. Если не было надлежащего основания, просила предоставить подтверждение или письменное распоряжение.

Мне было важно услышать это.

Раиса Петровна не пыталась выглядеть человеком, который всегда все делал идеально.

— Почему вы раньше мне ничего не сказали?

Она отвела глаза.

— Несколько раз собиралась. Потом думала, что вы с Олегом Викторовичем наверняка все обсуждаете. Он говорил, что вы в курсе.

Я почувствовала знакомую неприятную тяжесть.

— В курсе чего?

— Больших расходов по новым объектам. Закупок через посредников. Изменения сроков платежей.

— Нет, — сказала я. — Не всего.

Бухгалтер помолчала.

— Я понимаю.

— Не уверена, что понимаете. Но это уже моя проблема.

Она хотела что-то ответить, однако в коридоре послышались шаги, и мы обе невольно обернулись к двери.

Мимо прошла Вера.

Когда шаги стихли, я спросила:

— Вы можете показать мне хотя бы общий платежный календарь на ближайший месяц?

— Это могу.

Она открыла файл.

Мы просидели почти сорок минут.

Суммы складывались в неприятную картину.

Поставщики, аренда, кредит, обязательные платежи. Ожидаемые поступления по контрактам, часть которых еще зависела от выполнения работ. Отдельно значились суммы, сроки получения которых были указаны как предварительные.

Я попросила Раису распечатать таблицу.

— Получается, мы рассчитываем на деньги, которые еще даже не заработали окончательно?

— Отчасти. Для завершения заказов тоже нужны расходы.

— А если гостиница задержит следующий платеж?

— Тогда придется договариваться с поставщиками.

Я посмотрела на календарь.

— С Ракитиным мы уже договариваемся. Причем, насколько я поняла, давно.

Раиса Петровна печально кивнула.

— Да.

— Кто еще ждет оплату дольше месяца?

Она назвала три организации.

Я записала.

— И сколько денег у нас сейчас на счетах?

Раиса посмотрела в компьютер и назвала сумму.

Она была настолько небольшой по сравнению с предстоящими обязательствами, что я попросила повторить.

— Вы не ошиблись?

— Нет.

Я откинулась на спинку стула.

Предприятие действительно находилось в опасном положении.

Олег не преувеличивал финансовые трудности.

Но это никак не объясняло, куда исчезли деньги.

— Раиса Петровна, — сказала я, — мне нужно отдельно увидеть все перечисления по договорам комплектации. Не только итоговые суммы. Контрагентов, назначения, подтверждающие документы.

Бухгалтер посмотрела на список передо мной.

— Я начну готовить.

— Спасибо.

У двери я остановилась.

— И не бойтесь, что я собираюсь искать виноватого среди бухгалтеров только потому, что не понимаю финансовую картину. Мне нужны факты.

Она кивнула, не поднимая глаз.

Я вышла.

Через несколько минут мне пришло сообщение от Олега.

«Раиса сказала, ты запрашиваешь документы. Не устраивай хаос в бухгалтерии. Все обсудим вечером».

Я прочитала его, убрала телефон и пошла в свой кабинет.

Впервые за много лет мне совершенно не хотелось оправдываться перед мужем за то, что я работала.

Офис Татьяны Корневой находился в старом здании недалеко от центра.

На лестнице пахло краской и влажной штукатуркой. Кабинет располагался на третьем этаже, рядом с небольшой нотариальной конторой.

Меня встретила женщина с короткими темными волосами, внимательными карими глазами и тонким серебряным кольцом на указательном пальце. На ней были серые брюки и простая белая рубашка.

Она не походила на юристов из рекламных роликов, которые обещают решить любую проблему за одну встречу.

— Лидия Андреевна? Проходите.

На ее столе лежал блокнот, рядом стояла чашка чая. Никаких внушительных стопок папок, расставленных специально для впечатления клиентов, я не заметила.

— Марина сказала, вы давно сотрудничаете, — произнесла Татьяна, когда я села.

— Да.

— Она предупредила, что ситуация сложная. Расскажите с самого начала. Лучше по порядку, даже если какие-то подробности покажутся вам незначительными.

Я достала документы.

Начала с предприятия.

Объяснила, когда мы его открыли, как распределили доли, чем занимались, почему взяли кредит, какие задолженности обнаружились в последние дни.

Потом рассказала про вторую семью мужа.

Сказать это незнакомому человеку оказалось труднее, чем я ожидала.

Вчера ночью я несколько раз произносила вслух слово «любовница». Но теперь, сидя в светлом кабинете напротив спокойной женщины, никак не могла начать.

— У мужа есть дочь от другой женщины, — наконец сказала я. — Ей семь лет.

Татьяна не изменилась в лице.

Только перевернула страницу блокнота.

— Когда вы узнали?

— Вчера.

— Муж подтвердил отцовство?

— Да.

— Он согласен на развод?

Я вспомнила утренний разговор.

— Не думаю. Он предлагает подождать.

— А вы?

— Я ждать не хочу.

— Понятно. Ваш общий сын совершеннолетний?

— Ему двадцать один.

— Тогда у нас нет спора о месте проживания несовершеннолетнего ребенка. Это упрощает одну часть процедуры. Но развод и имущественные вопросы нужно рассматривать отдельно. Согласие мужа на расторжение брака и спор о разделе имущества — не одно и то же.

Она сделала несколько записей.

— Если он согласится на совместное заявление, можно будет воспользоваться административной процедурой. Если откажется, подготовим обращение в суд. Сегодня вы не обязаны решить все вопросы о собственности, чтобы начать развод.

Я почувствовала облегчение.

Почему-то мне казалось, что придется сначала разобраться с предприятием, потом разделить имущество и только после этого получить право перестать быть женой Олега.

— Значит, я могу начать процедуру, даже если он против?

— Да. Но не рассчитывайте, что все завершится немедленно. У каждой процедуры свои сроки.

Я кивнула.

— Теперь о компании, — сказала Татьяна. — У вас зарегистрировано шестьдесят процентов долей?

— Да.

— Устав принесли?

Я передала ей копию.

Она открыла нужные страницы и некоторое время читала.

— При таком распределении у вас есть существенные корпоративные права, — произнесла она. — Но давайте сразу договоримся: не будем считать, что шестьдесят процентов автоматически позволяют вам делать что угодно. Есть устав, порядок голосования, требования закона, ограничения на отдельные сделки.

— Я понимаю.

— Вы упомянули, что компания создавалась во время брака.

— Да. Мы открыли ее, когда Кирилл уже ходил в школу.

— Тогда при разделе имущества необходимо учитывать не только зарегистрированные доли, но и правовой режим их приобретения. Мы отдельно разберемся, какие права у каждого супруга. Не стоит заранее обещать мужу сорок процентов стоимости предприятия и не стоит считать, что вы можете просто забрать его долю за измену.

Я невесело улыбнулась.

— Он скорее хочет продать все целиком.

— Может, и хочет. Но желание продать и право совершить сделку — разные вещи.

Татьяна посмотрела на следующий документ.

— Договор поручительства.

Я передала ей банковскую папку.

Она прочитала первые страницы, затем внимательно просмотрела раздел об ответственности поручителя.

— Вы знаете, что подписали?

— Сейчас начинаю понимать лучше.

— Банковская задолженность — обязательство компании. Само по себе владение долями не делает вас должником по каждому договору предприятия. Но здесь вы лично выступили поручителем. Это самостоятельное обязательство. Если возникнут предусмотренные договором основания, банк может предъявить требования и к вам.

Я медленно кивнула.

— Олег вчера мне об этом напомнил.

— В каком контексте?

— Предложил продать компанию. Сказал, что иначе последствия могут коснуться лично меня.

Татьяна положила договор на стол.

— Угроза финансовых последствий не обязательно означает, что продажа — единственный способ их избежать. Нужно выяснить состояние кредитной линии, условия договора, размер фактической задолженности, наличие просрочек, перспективы платежей. Без этого мы с вами ничего разумного не решим.

— Я уже запросила документы.

— Хорошо. Но оформите запрос письменно, как участник общества. Сохраните подтверждение его получения.

Она достала чистый лист.

— И еще одно. Не забирайте оригиналы из бухгалтерии тайком, не пользуйтесь чужими паролями, не пытайтесь самостоятельно блокировать счета. Мне важно, чтобы потом мы могли объяснить происхождение каждого документа.

— Я не собиралась ничего подобного делать.

— Верю. Но люди, которые обнаруживают обман близкого человека, иногда начинают действовать быстрее, чем успевают подумать о последствиях.

Я опустила глаза на лежавший передо мной договор.

Ночью мне действительно приходило в голову забрать с работы все папки, до которых смогу добраться, и увезти домой. Просто чтобы Олег больше ничего не смог скрыть.

Теперь я понимала, насколько плохой была эта идея.

— Какие у меня шансы сохранить предприятие? — спросила я.

Татьяна помолчала.

— Пока недостаточно информации, чтобы отвечать на этот вопрос.

— Хотя бы приблизительно.

— Я не хочу давать вам цифру, которую ничем не смогу подтвердить. Возможно, предприятие действительно нуждается в продаже. Возможно, его можно реструктурировать и продолжить работу. Возможно, часть обязательств возникла из-за действий, которые потребуют отдельной правовой оценки.

Она закрыла папку.

— Но я бы не советовала соглашаться на продажу до независимой проверки финансового положения и оценки активов.

Я посмотрела на нее.

— Именно этого я и хочу.

— Тогда начнем с документов. Потом определим, какие решения нужны срочно, а какие могут подождать.

Мы обсудили порядок работы.

Татьяна предложила направить официальный запрос в компанию, изучить устав и банковские обязательства, привлечь финансового специалиста для анализа подозрительных платежей. Отдельно она подготовит документы, необходимые для начала процедуры развода.

Я подписала договор на юридическое сопровождение. Сумма гонорара заставила меня ненадолго задуматься: за последние два года я привыкла считать каждую личную покупку лишней тратой.

Но сейчас впервые не стала оправдываться перед собой.

Мне нужна была помощь человека, который не связан с моим мужем и не собирается принимать решения вместо меня.

Когда я уже убирала документы в сумку, Татьяна спросила:

— Лидия Андреевна, вы сами хотите продолжать заниматься этим предприятием?

Вопрос оказался неожиданным.

— Конечно.

— Я спрашиваю не о том, считаете ли вы себя обязанной сохранить рабочие места и семейное дело. Я спрашиваю, хотите ли вы этого для себя.

Я задумалась.

Вчера ночью я представляла, как чужие люди распродают оборудование. Меня охватывал ужас не только из-за сотрудников или долгов.

Я любила свое дело.

Даже когда уставала от бесконечных звонков, когда раздражалась на заказчиков, когда сидела над чертежами до полуночи.

Мне нравилось видеть, как из нескольких линий на бумаге рождается вещь, которой люди будут пользоваться годами.

— Хочу, — ответила я. — Очень.

Татьяна кивнула.

— Тогда будем искать законный и экономически разумный способ. Только пообещайте, что не станете спасать предприятие любой ценой.

Я посмотрела на нее.

— Постараюсь.

— Для начала достаточно.

На обратном пути я позвонила Вере.

— Я буду примерно через сорок минут. Подготовь, пожалуйста, переговорную на три часа.

— Для кого?

— Для Дмитрия Ракитина. Он звонил?

— Да, буквально десять минут назад. Сказал, что хочет уточнить несколько документов до понедельника.

— Передай, что я буду на месте.

— Хорошо. И еще, Лидия Андреевна...

По ее голосу я поняла, что сейчас последует что-то неприятное.

— Слушаю.

— Олег Викторович спрашивал, где вы.

— Что ты ответила?

— Что уехали по делам.

— Правильно.

— Он просил сразу сообщить, когда вернетесь.

Я посмотрела на дорогу.

— Если у него есть рабочие вопросы, пусть позвонит мне сам.

— Хорошо.

Я отключилась.

Через несколько минут позвонил Олег.

На экране появилась наша фотография с прошлогоднего отдыха. Мы стояли возле небольшого ресторана, обнявшись, и улыбались в камеру.

Я давно собиралась заменить это изображение на обычную фотографию, но каждый раз забывала.

Теперь смотрела на него с отвращением.

Звонок закончился.

Потом начался снова.

Я включила громкую связь.

— Слушаю.

— Лида, где ты?

— Возвращаюсь на работу.

— Раиса говорит, ты запросила почти весь архив.

— Не весь.

— Зачем тебе документы за полтора года?

— Чтобы разобраться в финансовом положении компании.

— Для этого есть бухгалтерия.

— Именно с ней я и работаю.

Олег раздраженно выдохнул.

— Ты понимаешь, что сейчас создаешь ненужную нервозность? Раиса полдня ходит как на допросе.

— Я разговаривала с ней спокойно.

— Дело не в этом. Люди уже обсуждают, что у нас проблемы.

— У нас действительно проблемы, Олег. Долг Ракитину, просрочки поставщикам, недостаток оборотных средств. Это не секрет, который можно устранить молчанием.

Он некоторое время не отвечал.

— Я хотел помочь тебе, — наконец сказал он. — Нашел покупателя, который готов рассматривать предприятие даже в нынешнем состоянии. А ты вместо нормальных переговоров начинаешь выяснять, кто и какой счет оплатил год назад.

— Мне необходимо это выяснить.

— Зачем? Ты думаешь, если найдешь ошибку в бухгалтерии, деньги появятся?

— Нет. Но я хотя бы узнаю, куда они делись.

Олег замолчал.

Я услышала, как он щелкнул зажигалкой.

Он бросил курить шесть лет назад. По крайней мере, так говорил мне.

— Лида, давай вечером встретимся с одним человеком, — предложил он. — Он занимается инвестициями. Объяснит, какие варианты у нас есть.

— Сначала документы.

— Ты зациклилась.

— Возможно.

Я перестроилась в правый ряд.

— И, Олег, я уже обратилась к независимому юристу. По вопросам развода и компании теперь буду консультироваться с ней.

Он ответил не сразу.

— Ты даже не сказала мне?

— Говорю сейчас.

— Кто она?

— Это не имеет значения.

— Я твой муж.

Я крепче сжала руль.

— Пока да.

Олег произнес мое имя таким тоном, каким обычно обращался ко мне после серьезной ссоры. Негромко, с усталым укором.

Я вдруг поняла, что больше не хочу этот разговор продолжать.

— Я за рулем. Если есть рабочие вопросы, напиши.

И отключилась.

Сердце билось быстрее обычного.

Я не любила говорить с мужем резко. Даже когда мы спорили, старалась заканчивать разговор так, чтобы потом можно было спокойно вернуться к нему за ужином.

Но теперь каждый его звонок оставлял неприятное ощущение, будто меня снова пытаются убедить отказаться от собственных вопросов ради общего спокойствия.

А спокойствие это существовало только для него.

Дмитрий приехал без опоздания.

Я успела переодеться в рабочую рубашку, проверить два чертежа и спуститься к сборщикам, когда Вера сообщила, что он уже в переговорной.

— Передай, пожалуйста, что я подойду через пять минут.

В цехе как раз разбирались с фасадом большого шкафа.

Молодой сборщик Саша стоял возле верстака, мрачно разглядывая царапину на шпоне. Павел держал в руках упаковочный материал.

— Это когда успели? — спросила я.

Саша посмотрел на меня с таким несчастным видом, что стало ясно: он уже представлял, как ему придется выплачивать стоимость детали.

— На упаковке, Лидия Андреевна. Я лист подвинул, а там скоба осталась.

Я подошла ближе.

Царапина была неглубокой, но проходила поперек рисунка древесины. На светлом дубе ее сразу замечал глаз.

— Почему не убрали крепеж со стола?

Саша опустил голову.

— Не проверил.

Павел раздраженно сказал:

— Я ему сто раз говорил. Теперь весь фасад переделывать.

— Подождите.

Я попросила снять деталь и положить ее на мягкую подкладку.

Осмотрела поверхность под боковым светом.

Повреждение оказалось не таким серьезным, как выглядело сначала. Верхний слой лака был нарушен, но шпон почти не пострадал.

— Отдадим в отделку. Пусть мастер посмотрит, можно ли восстановить покрытие без заметного перехода. Если нет, будем переделывать.

Саша кивнул.

— Извините.

— В следующий раз проверяй стол перед упаковкой. На этом заказе нам каждая переделка обходится дорого.

— Понял.

Павел все еще выглядел недовольным.

— Ты бы видела, как он торопился, — сказал он мне. — Я только отвернулся...

— Паша, с тем, кто ошибся, мы разобрались. Теперь нужно понять, почему у нас упаковочный стол оказался с открытой скобой. Там должен быть отдельный контейнер для крепежа.

— Был. Убрали, потому что мешался.

— Верните.

Он хотел возразить, но промолчал.

Я направилась к выходу.

У дверей стоял Дмитрий Ракитин.

Не знаю, сколько он успел услышать.

На нем была темно-синяя рубашка без галстука и серые брюки. В руках он держал папку. Он смотрел на царапнутую деталь, которую мастера уже собирались унести в отделку.

— Извините, — сказал он. — Мне сообщили, что вы здесь. Не хотел мешать.

— Ничего страшного. Я сейчас освобожусь.

Он кивнул на фасад.

— Хороший рисунок шпона.

— Пока его не испортили.

— Испортили покрытие. Древесину, кажется, не задели.

Я посмотрела на него с удивлением.

— Вы разбираетесь?

— Немного. Мы не только металл режем. У меня на первом предприятии половина заказов была связана с мебельными каркасами.

— Тогда знаете, сколько проблем бывает из-за одной скобы.

— Знаю. У нас однажды готовую партию поцарапали грузовыми ремнями. Начальник участка три дня искал виновного.

— Нашел?

— Нашел. Себя. Он сам решил заменить защитные прокладки на более дешевые.

Я невольно улыбнулась.

Дмитрий тоже улыбнулся, но сразу стал серьезным.

— У вас найдется время поговорить?

— Да. Поднимемся.

Пока мы шли по лестнице, я подумала, как хорошо, что не рассказывала Дмитрию о разводе.

Для Ракитина я оставалась руководителем производства, с которым необходимо обсудить деньги.

Не обманутой женой.

Не женщиной, чью жизнь за одну ночь разобрали на части.

Просто Лидией Беловой, отвечающей за заказ.

Мне захотелось сохранить это хотя бы на время встречи.

В переговорной Дмитрий положил папку на стол и достал несколько листов.

— Я привез уточненный перечень задолженности и копии документов, которые ваш муж предоставлял во время переговоров об отсрочке.

Я села напротив.

— Хорошо.

Он показал таблицу.

Часть сумм относилась к уже поставленным конструкциям, часть — к выполненным работам по монтажу. Для каждого обязательства были указаны договор, акт и срок оплаты.

Я внимательно проверяла строки, делала пометки.

В одном месте обнаружила расхождение между нашей производственной спецификацией и приложением к договору.

— Здесь должно быть другое количество, — сказала я.

Дмитрий наклонился.

— Где?

Я указала строку.

Он просмотрел документ.

— Нет, это дополнительная поставка. После изменения проекта. Вон приложение с вашей отметкой.

Он перевернул несколько листов и показал нужный.

Я узнала обозначение.

Действительно, мы меняли конструкцию крепления после замечаний монтажников.

— Да, теперь вспомнила. Это моя корректировка.

— Тогда сумма совпадает.

— Совпадает.

Мы продолжили.

Когда добрались до последнего листа, Дмитрий задержал руку на папке.

— И еще один документ. Я хотел показать вам его отдельно.

Он положил передо мной копию служебного согласования.

В верхней части стояла дата — апрель 2026 года. Ниже значилось: «Дополнительный бюджет закупок для комплектации объектов».

Сумма — один миллион сто восемьдесят тысяч рублей.

Внизу была моя подпись.

Я сразу узнала ее — и росчерк, и привычную маленькую черту, которой иногда заканчивала первую букву фамилии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.